

КРАСНОЕ

СТУДЕНЧЕСТВО

1927-1928

16

927-281
н/16

0502

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Под ред. Д. РЯЗАНОВА

В 27-ми ТОМАХ

На хорошей бумаге, в прочном коленкорovém переплете с золотым тиснением

ПЛАН ИЗДАНИЯ

ТОМ I. К. Маркс. — Исследования. Статьи. Письма 1837 — 1844 гг.	ТОМ XII. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи эпохи Интернационала.
ТОМ II. Ф. Энгельс. — Статьи и корреспонденции 1839 — 1844 гг.	ТОМ XIII. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Философские работы. Отдельные статьи.
ТОМ III. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи и работы 1844 — 1855 гг.	ТОМА XIV — XX. Экономические работы К. Маркса. Капитал. Теории прибавочной стоимости.
ТОМ IV. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Немецкая идеология.	ТОМ XXI. Переписка Маркса — Энгельса. 1844 — 1853 гг.
ТОМ V. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи до 1848 г.	ТОМ XXII. Переписка Маркса — Энгельса. 1854 — 1860 гг.
ТОМ VI. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи 1848 — 1849 гг.	ТОМ XXIII. Переписка Маркса — Энгельса. 1861 — 1867 гг.
ТОМ VII. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи 1849 — 1851 гг.	ТОМ XXIV. Переписка Маркса — Энгельса. 1868 — 1883 гг.
ТОМ VIII. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи и корреспонденции. 1852 — 1854 гг.	ТОМА XXV — XXVII. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма Маркса и Энгельса к Лассалю, Беккеру, Зорге, Вейдемейеру, Фрейлиграту, Кугельману, Э. Бэрнштейну, К. Каутскому, К. Шмидту, А. Бебелю, В. Либкнехту, Николаю — ону, Л. Фейербаху и другим.
ТОМ IX. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи и корреспонденции. 1854 — 1856 гг.	
ТОМ X. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи и корреспонденции. История англо-русского союза.	
ТОМ XI. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Господин Фогт. Военные статьи.	

ТОМ ПЕРВЫЙ ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

Подробное описание его смотрите № 15 Красн. Студенчества

ИЗДАНИЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКЕ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: задаток 6 р., при получении каждого тома по 2 р. 75 к.
Пересылка за счет подписчиков.

Всем прежним подписчикам на соч. К. Маркса и Ф. Энгельса будут разосланы особые извещения о преемственности подписки.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦБ И МБ ПРОЛЕТАРСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА

5 мая

№ 16

1927/1928 УЧЕБНЫЙ ГОД
ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

P.10502

СТАДЕНЧЕСТВО

СТАДЕНЧЕСТВО
КРАСНОЕ

СТАДЕНЧЕСТВО
КРАСНОЕ

№ 10

СТАДЕНЧЕСТВО
КРАСНОЕ

Вечер. Мускулистые, гладкие колени
И рослые торсы темных колонн.
В зале рисовали последних Чемберленов,
Маршевым мотивчиком стучал пинг-понг.
Штабель газет на столе задремал
В минеральной испарине крупного шрифта.
С минуты на минуту ожидался Первомай,
Но ближние комнаты были закрыты...
А утром в общежитие вломился оркестр,
Сквозь пыльное небо прорвались флаги.
Коробились лужи, рябые, как жель,
И солнце вдали—точно масло в бумаге.
От этих девчат, что за стеной шумят,
От плотной воды, обжигающей зубы,—
Ты сам—словно туго шнурованный мяч,
Под выпуклой кожей—упругой и грубой.
Заглянем на крышу: площадь, театр,
Антенны с узлами спортивных приборов,
Вольтовой дугой паровозы гудят:
Отлично отчищенный красный город.
А дальше партии шуплых лодок
Толчками плывут к «Воробьевым горам».
Кремлевского неба восточные своды.
Мечтают часы. Хрипят рупора.
Идут моряки угловатой когортой.
Качаются танки. Спешит детвора.
Молотят подковы. Влияют хвосты.
Колышатся звезды в знаменном шелке...
Но лучшее—острые крылья звезды,
Обнявшей высокую грудь комсомолки.
...Рассыпался тонкий сухой холодок.
Студенты беззвучной светлой лавиной
Подступают к трибуне. Блестящий итог
Зимы, перемолотой школьной машиной.

Зеленым прибоем
Взметнулась весна.
Над книгами,
Над головой,
И, сердце мое
Раскалив до-красна,
Стихами гудел прибор.
Я книги захлопывал,
Шел к окну,
Забыв о зачетах и сне.
И снова над книгами
Видел луну,
Поющую о весне.
Дымился и плавился
Синий двор,
Метались по крышам коты.
И мой сиротливый
Студенческий взор
Пьянел от такой суеты.
Весна! Ты все та же.
Такой же размах,
Такой же диапазон!
Ты снова в сутулых
Московских домах
Срываешь запоры окон.
Ты лезешь нахально
Сквозь кипы бумаг,
Сквозь книг баррикады

В сердца,
И снова,
Как хитрый и жадный враг,
Меня стережешь у крыльца.
Чуть выйду,
Закружишь по мостовой
В горячем угаре, и вот
Я вижу—над пьяной моей
головой
Забывтая свежесть плывет.
Но руку щекочет
Ехидный портфель.
Он шепчет: „Я так и знал!
Уже остается немного недель,
А много ль зачетов ты
сдал“?
И снова плывя по разливам
страниц,
Листая за томом том,
Я вижу—веселые стаи птиц,
За пыльным моим окном.
Кричу: „Подождите,
Еще зачет!
Я тоже свободен тогда!“
.....
Не каждый оценит,
Но каждый поймет
Студенческие года.

Когда за работой сидим неустанно,
Над россыпью формул кивая ночам,—
Мы любим тогда отдохнуть за стаканом,
В котором дымится какой-нибудь чай.
 Нам кажется лучшим на свете нектаром
 Кипеньем расплавленный суррогат,
 И вьющийся тонко со струйками пара
 Нам дорог дешевый, густой аромат.
Но нынче, проснувшись обычного ране,
Я примусу высказать горечь не дал,
Забыл о пустом одиноком стакане,
О дружбе с рейшиной и грудой лекал.
 Услышал я: день начинается странно
 Мелодней звучной капельных стаккато,
 И в форточку рвется мальчишески рьяно
 Весеннего чая хмельной аромат.
Я вижу: под окнами дети в галошках
Чайнками кружатся...
Чайнки людей
Мешает апрель золочеными ложками
В асфальтовых блюдцах больших площадей...
 Глаза ослепляет апрельское золото,
 Сугробы пронзая, как масло нож,
 И тает на улицах сахар расколотый,
 Захватанный грязью копыт и подошв...
Высоко, высоко поставленный осенью,
(Бесплатные угли—планетный пожар),
Поспел, вероятно, на синем подносе
Очищенный к празднику самовар...
 Но город сегодня, как волк, ненасытен,
 Стеклянные звоны растут в набат—
 И я, за весенним сплошным чаепитьем,
 Сегодня впервые не пью суррогат...

Опять овраг. Рябины гроздь дремлют
И желтая колышется трава.
Я потерял свои права на землю,
Я потерял крестьянские права.

*

Вокруг меня стоят уныло клены.
Знакомцы старые забыли про меня,
Когда—малыш—на их глазах зеленых
Стреноживал саврасого коня.

*

Им не узнать, или они не рады,
А может, поняли, что в этот миг
Знакомый шелест вянущих нарядов
Сравнил я с шелестом любимых книг.

Ленинград.

I

В фойе было густо. Разогретый и мутный воздух виден был на свету. В дверь валил растрепавшийся пар и стлался по войлоку.

Лунц подошел к окошку. Из-за счетов, билетных книжек и света, сбитого в маленькой будке, появилось обычное лицо кассира. Он мельком взглянул, намусолил палец и приготовился отрезать билет.

— Кажется, мне не надо,—вдруг нерешительно вспомнил Лунц: он пришел играть под картину.

— Гм, да ведь скоро конец,—и, закрыв рукой билетную книжку, недовольный кассир высунул голову.

— Пропустите его, что ли,—сказал он контролю.

В тесноте двигались крашенные лица. Душная и бойкая толчаёя наполняла зал. словно отсыревший сахар в мокром пакете, исходил струнный ансамбль вялым и отекившим чарльстоном.

Лунц остановился в углу. Он смотрел на всех сосредоточенно и безучастно. Немного сжавшись, он стоял у стены, засунув руку за борт пальто. Он боялся своих рук, любопытства, которое они могли привлечь. Он незаметно сминал и разминал пальцы, застывшие на улице.

Вентилятор прорвался посреди общего гула. Публика потекла к дверям. Она осадила их и начала продавливаться в тусклый зал. Ряды падали книзу, пол неожиданно убежал под ногами.

В боковую дверь вошел управляющий, похожий с лица на гни-люю сливу; он шлепнул на ходу губами:

— Сюда,—сказал он. Мокрые губы сжались и раздавили лицо в поперечнике.—Идите.

Лунц прошел за ширму к барьеру, где стоял рояль.

— А пальто,—спросил он,—можно оставить здесь?

Тот засучил наверх брови, оглядел его и ушел, не ответив. Лунц положил пальто рядом с собой, и, севши на край стула, осторожно приподнял крышку рояля; почерневшая клавиатура незнакомо выросла перед ним. Его онемевшие пальцы плохо лежали на клавишах. Не прижимая, он водил по клавиатуре, беспокойно ощущывая ее гладкие кости. Когда свет был выжат из зала, как порошок полевого пыльника, и экран мигнул и подбросил буквы, он оказался перед чем-то уже происходящим.

Старание припомнить, как играют другие, теперь, в последнем усилии, которое он успел сделать, стерло все. Руки его суетливо двинулись за дрожащим экраном; он оказался захваченным врасплох.

Управляющий музыки не замечал. Подходя во время сеансов к дверям, он следил за публикой, за работой механика; он сплевывал на сторону и, дергая книзу жилет, смотрел в щель. На этот раз, забыв осторожность, он просунул в отверстие ухо. В зале происхо-

дило необычное. Музыка,—чорт знает что,—отношения к картине не имела. Странная и бессвязная музыка была в темноте.

— Слушайте, что вы там тренькаете?—повидимому, хотел зарорать управляющий. Он подтянул брюки.

— Кто прислал этого остолопа?—бросился он к билетерше. Та развела руками.

— Наверно, наш пианист

Он снова подтянул брюки, они обвисли. Управляющий махнул рукой. Прижав задом дверь, он отошел, качаясь на ходу.

Луиц смотрел на экран, как раньше в фойе на публику, взглядом сосредоточенным и безучастным. Он играл, находясь в подчинении у быстро сменявшихся кадров. Способы иллюстрации, которые исподволь всплывали в памяти, шелушились, проникая в игру. Что такое иллюстрация,—размышлял он,—как не собрание условностей? Несвежие условности присохли к клавиатуре.

Весь связанный, торопясь за лентой, он старался быть искренним.

В зале зажигался дежурный свет. Унылые лампы чадили в сизом верху. Вентилятор хлопотливо высасывал воздух.

Снова все уходило в темноту. Начиная трещать аппарат; Луиц погружался в игру. Чрезмерная яркость пугала его.

— Что вы там тренькаете?—прошипел управляющий.

Он все-таки пробрался в темноту и, грузно удерживая свои шаги, дошел до стула пианиста. Он запыхался.

— Что вы там тренькаете?—прошипел он.

Луиц испуганно обернулся, продолжая играть; заметив управляющего, повернул голову назад, к клавиатуре. Он не мог ответить; запас его размышлений исчез без следа.

В коридоре гасили свет. Кассир в будке складывал деньги и зализывал конверты языком. Управляющий, раскорячив ноги, стоял у дверей.

Луиц подошел к нему. Он отослал его в кассу. На лестнице лежала липкая грязь. Кассир, лизнув последний конверт, опустил окошко. Дождавшись, Луиц успел обидеться. Ненужный вечер предстал перед ним.

Он снова подошел к управляющему.

— Вы должны еще уплатить мне,—начал он с середины фразы, которую он приготовил. Тот продолжал тянуть к себе дверь и тяжело сопел.

Луиц перенес вес тела на левую ногу.

— Я должен у вас получить за сеанс,—еще более слабым голосом произнес он.

Покончив с дверью, управляющий пошел не оглядываясь.

— Выдайте ему два рубля,—сказал он кассиру.

Ему полагалось три.

— Мне следует три,—заметил Луиц.

Кассир задержал руку на разбросанной стопке.

— Чего там,—мотнул управляющий и, отвернувшись, вытер мокрые губы,—он плохо играет.

— Вы не понимаете,—хотел начать Луиц,—я кончаю консерваторию.—И он почувствовал себя скользящим книзу.

Он не стал больше возражать и, получив два рубля, спустился по лестнице.

Снаружи трепалась афиша. Сырой и застуженный вечер раска-

чивал плечи актрисы. Из-за угла нырнул белый свет фонаря и, оборвавшись, потух.

Он остановился возле женщины, продававшей сдобу. Он рассеянно сунул в карман булку. Площадь была пуста. Лунц обошел застрявший автобус и пошел по трамвайному пути. Темноватый блеск рельс отражали состояние, в котором он шел.

Сзади долго бесился вагон. Вожатый погрозил ему через стекло. Вагон прогрохотал.

Оставшаяся тишина не приняла в себя Лунца. Она болталась по краю бульвара и мешала ему. Чувство полной неудачливости, сужаясь, бежало впереди него по накатанной рельсе.

II

Утром прибежал Галай. В резиновом пальто, с фуражкой в руке, он принес в комнату запах похолодавшей осени. Он бросил пальто на постель, пробежался по комнате, нагнулся к раскрытым нотам и неопределенно поморщился.

Лунц лежал, подложив руку под голову. Проглаженный верх и голые ветки в окне заполняли его неподвижность.

— Болтаешься?—Галай вздернул голову.

Лунц шевельнулся.

Он спросил еще раз, небрежно и быстро, и так же быстро занялся своим:

— Дудки, дудки,—повторял он,—кончается время лодырей, вам в тираж выходить,—он объезжал давнишнюю тему.

— В тираж,—повторял он,—дудки, в тираж. Время другое, обойдемся без вас.

Лунц, приподнявшись, взглянул в окно

— Холодно?—спросил он.

Галай остановился. Подумав, вздохнул и вытащил газету. Он разложил листы на столе и стал бегать глазами, выстукивая пальцами дробь.

— Я играл в кино,—как бы случайно сказал Лунц и замолк.

Галай отбивал по столу дробь.

— Ага, добрались все-таки,—пробормотал он, ерзя глазами.— Ага,—вспомнил он,—в кино. Представляю. Зал умирал от смеха. Нет? Что? Умирал, умирал?

— Неважно,—признался Лунц.

Ему вчера нехватало бойкости. Галай недоверчиво посмотрел на него. В трагических местах он, вероятно, играл фокстрот, а?

— Отчего бы и нет, в сущности?

— Ну, конечно, фокстрот, он знал,—Галай голосил,—фокстрот, а в веселых—траурный марш, конечно. На это он мастер. Ха-ха! На экране танцуют, а он играет траурный марш, здорово!

— Ха-ха-ха!—заливался он,—коровы в поле требуют непременно Бетховена; лунную сонату, серьезно.

Лунц поправил одеяло.

— Чего ты смеешься? Иллюстрировать грустью грусть совсем нелепо.

— Нет, ты скажи! Сонату Бетховена, а? Скажи, признайся, чего там. Послушай,—оборвал он себя,—что ты намерен делать, а? В провинции давать два концерта в год?

Лунц промолчал.

— Философствовать? Тоскливая жизнь,—решил он.—Нужно уметь все—играть под картину, фокстроты, концерты, петрушку валять. Мастером нужно быть, да. Ну прощай,—он торопится. Он мог бы ему еще много сказать.

— Слабый иллюстратор,—закончил он, берясь за дверь,—совсем никуда.

Галай правил рукой наподобие весла. Прищелкивая пальцами, он прокладывал путь в толпе, стекавшей с Кузнецкого Моста. Он подымался, поглядывая на витрины книг и нот, на плетень дешевых галстуков и детских сказок.

Облупившийся дом, покрашенный временем в ветхую краску, виден был издали. Бесхарактерный и слепой изнутри, он был весь облуплен людьми. Внутри густо копошились неразличимые фигуры. Дом был переполнен ими; казалось, не было сил высосать эту плотную массу, слезавшуюся точно куча мусора. Полутемный день, отползая от двери, терялся в извилинах коридора. Биржа артистов задыхалась от давки, гула, от утомительной темноты и криков.

Однако завсегдагаи знали здесь все. Они привыкли к спертым и тугим от людей коридорам. Галай пробирался, отталкиваясь локтями. Он отдавливал ноги, улыбался и кивал головой.

Он стоял уже в глубине у окошка.

— Вы играли всю неделю?—говорил он,—ага! У меня игра есть.—И он рассеянно и суетливо смотрел вокруг.

— Что? Стипендию? Ну да, получаю. У нас получают многие,—он похлопал по плечу оркестранта.—Дорогой мой, я с государством рассчитаюсь. Мы свои люди. Я собираюсь принести ему пользу. Покуда пусть оно помогает мне,—он подвинулся к соседнему окошку, где начали выкликать фамилии.

На нескольких досках играли в шашки. Галай осторожно плечом отодвинул плешивого фаготиста и, улыбаясь, пропихнулся ближе.

— Ага,—сказал он,—черным пора сдаваться?—Он начал объяснять фаготисту положение игры.—Конечно, проходят в дамки, ясно, ясно.—Он посмотрел вокруг себя и пожал плечами. Подмигнув приятелю, он стал выталкиваться из круга.

— Вас вчера заменял Лунц?—обратился он,—чудак, право чудак. Человек не хочет делать того, что делают все. Ну, прощайте, вам еще предстоят неприятности с управляющим. Я уверен. Вот чудак, право,—и он стал проталкиваться наружу.

IV

Комната Лунца редко проветривалась. В ней стоял запах кислотный и жилой. Лунц играл на рояли в растегнутой рубашке. Недовольный, он менял положение рук. Он то садился глубже, то отодвигал стул. Небо, прорезанное в окне, было серо и малоподвижно. С чувством сырости от упорства, он останавливался и подолгу смотрел в окно.

Ровный рисунок медленно проплывал, удаляясь за голые ветки. Они покачивались; капли, висевшие с ночи, падали сверху, прыгали с ветки на ветку и шлепались в лужицы.

Неудобный скачок давно изводил его руки. Он надвигался и, как теплая шапка, запахивал ясность. Лунц останавливался. Скачок

разбухал в памяти. Руки, как в бинокле маленькие, лежали совсем далеко. Оставляя работу, Лунц попадал во власть ее мелочей. Каждая отдельно угнетала его.

Потом он начинал игру снова. Скачку возвращались его черты. Он был легче того, который давил воображение.

По мнению профессора, Лунц не умел работать.

Ученик, постучавшийся в дверь, должен был ждать. Лунц застегнулся и, прибрав на столе, прикрыл хлеб газетой.

— Вы пропустили в прошлый раз,—начал он, потирая руки,— я не люблю пропусков.

Ученик виновато придвинул стул.

— Мне не нравится ваше положение за инструментом,—заметил Лунц.

Тот отодвинул стул, посмотрел на ноги, на клавиши. Потом взглянул на учителя и начал играть.

Лунц останавливал его:

— Нужно следить за размером звука. Держите звук в памяти. Оттягивайте мысленно эти ноты. Не отставляйте руки,—говорил он.

Ученик продолжал играть.

Лунц услышал себя со стороны. Он услышал последнюю фразу. Ему показалось, что он говорит так с самого прихода. Он устал от замечаний вслух. Может быть, нужно было предоставить тому больше свободы? Он подозрительно посмотрел на ученика.

Может быть, тот не согласен с ним, и он, Лунц, похож на профессора?

Небо совсем расплозлось. Обмазанное в унылый цвет, оно через силу моргало.

Лунц объяснял ученику свою последнюю мысль. Он боялся его молчания и добросовестных глаз.

Оставшись один, он подошел к окну и долго стоял, не двигаясь, освобождаясь от множества произнесенных слов.

V.

Во дворе грохотали жестью. В раскрытый люк закатывали боченок с известью. Он корячился, лез из обручей и крошил на асфальте след. По двору шатался татарин, размахивая мешком и для порядка блял в верхние окна. Ветер носил бумажки, бился в форточку и, захлопнув голос певицы, ежился, как слабая парусина.

Татарин успел обойти двор несколько раз, заглянул в мусорный ящик и рассеянно водил пустым мешком; он ходил без почина; он был несказанно удивлен, когда его кликнули сверху. Прикинув путь на-глаз, он передвинул круглую шапочку и пустился по черной лестнице. Он осторожно затоптал на кухне и, нырнув в коридор, легонько стукнул в дверь. Но женщина, встретившая его, замахала руками, и подавшись наружу, выдавила его. Заслоняя собой добро, она зорко смотрела на лешего проходимца. Он наткнулся на детскую коляску; колясочка затряслась в темноте, и татарин виновато обернулся к женщине. Она пробасила ему, чтоб он шел назад к кухне. Возвратившись, татарин обшарил дверь. Он попал в новую темноту, которую он сконфуженно захлопнул. В это время открылась соседняя дверь.

Войдя в свет, он вздохнул, снял шапочку и положил на пол мешок.

На кровати лежали блузки и платье. Татарин не спеша оглядел

все и, взявши платье, вывернул его наизнанку. Он осмотрел материю, взглянул на висевшие вещи; наткнувшись пальцами на застежку без пуговицы, чмокнул.

— Чижолая время,—вздыхнул он и тронул ногой мешок,—сколько за все?

Продававшая не знала.

— Ваши товар,—объяснил татарин, продолжая рассматривать одежду. Он складывал ее, выворачивал и комкал. Он подымал мешок и собирался уходить. Наконец, из старого кошелька вытащил на почин три рубля.

— Сердитая барышня,—незлобиво заметил он уже на пороге.

— Проводите его,—загудела женщина в коридоре и, идя следом до кухни, трогала в темноте вещи, проверяя их целостность.

Таким образом у певицы Марджановой течение утра было прервано. Оно началось с вокализов. Торговля с татариним притупила его. Выпотрошенное наизнанку, оно не умело вернуться к прежнему виду. Она подошла к нише, где за простыней висели платья, и стала перевешивать их. Потом натянула смятое одеяло, положила деньги на стол, но утро продолжало крошиться. Сухой день пробирался в форточку и, занявши комнату, распозался без толку.

Марджанова оделась и вышла с парадного хода.

— Заперли дверь?—понеслось за ней следом. Цепочка звякнула назад.

Марджанова вышла на улицу. Ветер метнулся, сминая шляпу; она схватилась за нее руками. Она стояла на ступеньках, озираясь. Улица ерошилась от шума. Снизу бежал гул, опережая вагоны. По мостовой грохотало железо, заглушая шаги.

Она собиралась итти. К ней подошел Лунц. Он нерешительно посмотрел на нее.

— Мы, кажется, вместе играли недавно,—сказал он.

Марджанова прищурила глаза:

— Ага, в консерватории?

Лунц подтвердил.

— Вы здесь живете? В этом же доме? Мы с вами соседи. Я живу в переулке.

Он решил, что ему по пути с ней. Они перешли улицу.

— Я помню,—заметил он по дороге,—мне понравился ваш голос.

— Хороший, вы думаете?—Марджанова обернулась к нему.

— Прекрасный.

Она пошла быстрее.

— Повеюем еще,—произнесла она, словно ободряя себя, и вспомнила:—Значит мы с вами соседи?

Они подошли. Лунц спохватился у двери.

— Нет, я не зайду. Я боюсь часто бывать в этом шуме.

— Это вы о студентах?—спросила она.

— Да. Вам не мешают встречи с людьми, которые занимаются тем же, что и вы?

Марджанова остановилась.

— Вы ведь пианист?—спросила она.

— Ну да, мы тогда вместе играли.

— Да, да. Я забыла. Так чего вы боитесь?—переспросила она.

Лунц посмотрел в сторону.

— Представьте себе,—начал он,—несколько человек учат один

и тот же пассаж. Они ищут различия. Они подозрительно смотрят один на другого,—он остановился.—Вы, вероятно, со мной не согласны,—заметил он, спав немного с голоса.

— Вы, должно быть, оригинал,—сказала Марджанова серьезно.

VI

Лунц остался один; он осмотрел три ряда окон, толстые колонны. Он смотрел, точно все это нужно было запомнить. Потом медленно повернулся. Занятый собой, он не замечал пути.

С боков напоздали дома. Вагоны оглашали площадь, как дикие арбы, и коричневые кузова, пошатываясь, пыхтели и пыжились.

Мысли его раскатывались, как моток на руке. Свеже покрашенный город погромыхивал перед ним. Он неожиданно подсовывал свежую краску, раскрошившийся кирпич, запах асфальта.

Вокруг строились. Лунц, оторвавшись от своих мыслей, оказался вдруг посреди громыхавшего города.

Город горланил рядом с ним. Вороха бодрости неслись по бокам.

— Дельные люди,—решил Лунц.—Мир занят конкретной жизнью. Все орет вокруг.

Промеж домов были запиханы груды каких-то идей. Они вылезали из щелей, незаметные для окружающих; неопределенные идеи, от которых отекала живая жизнь. Идеи чего? Он не знал.

Мир нуждается в небольшом количестве чудаков,—примирительно думал он,—без чудаков мир не мог бы взойти, как плохо поставленный хлеб. Он смутно начинал видеть этих рассеянных, близоруких людей, которые где-то в тишине заняты обобщениями.

— Славная жизнь,—повторил несколько раз Лунц.

Он вдруг вспомнил состояние своих пальцев. Пальцы были холодные. Он мысленно клал их на клавиатуру. Беспомощность возвращалась. Беспокойство приближалось к нему. Оно несло на носу востречного автомобиля. Оно настигало его.

— Вот что,—говорил он,—музыку следует расчленять. Переход от слабого к сильному звуку, перемена ритмических фигур—нужно вложить в это усилия. В вещи трудны ее скрепы. Вы видите,—говорил он ученику,—вот какой нужен прием. Здесь такой вот, а здесь...

Он оставался один. Музыка продолжала лежать, выстриженная и гладкая.

Лунц вздохнул.

— И нужно работать по шесть часов.

VII

В комнату вошла дочь соседей.

— Что вы там делаете?—спросила она,—а?

Он пришивал пуговицу.

— Да вы разве умеете?

Лунц обиделся.

— Ого, я! Я умею. Я всегда сам.

— Долго же вы возитесь. Ну, давайте, я вам пришью.

Он выдернул из зубов нитку.

— Нет, здесь нужно с хитростью. Она вырывается у меня каждые два дня.

— Смешной, вы возьмите в две нитки.

— А в четыре нельзя?—спросил он, отгрызая узел, и натянул на ноги одеяло.

— Музыка,—объяснял он ей, покамест она шила,—требует строгости. Приходится часами учить несколько тактов.

Она недоверчиво скосила глаза.

— То-то вы ничего не играете. Упражнения, кусочки, правда.

— Да, да, приходится.

— Сколько же вы успеваете?

— Вещи три за год, четыре.

— Скучно,—решила девушка,—я за это время сдам много чего.

Вот уж скука. Какой, право, интерес?

— По совести, никакого,—произнес он; потом спохватился:—Да я вру, вы не верьте. Ого, какой! Об искусстве мечтают все. Оно кажется таким высоким... Ага, ну спасибо, миленькая,—он хозяйственным глазом посмотрел на пришитую пуговицу.—А вы не слишком высоко пришли?—на всякий случай спросил он.

— А вот вы сыграйте что-нибудь толковое,—сказала девушка.— С начала до конца.

Лунц упирался. Девушка настаивала.

— Бросьте, пожалуйста, вы ж кончаете,—она потащила его к роялю,—консерваторию.

Он перебирал аккорды в странном последовании. Девушка рассердилась.

— Ну, хорошо,—сказал он,—слушайте. Только молчите.

Она села на подоконник; заметив рядом масляную бумагу, спрыгнула и пересела на кровать.

— Ну, играйте,—сказала она.

Он играл долго.

— Нравится?—спросил он, оборачиваясь.

— Я мало поняла. Как будто нет мелодии совсем

— Это Прокофьев,—сказал он добродушно,—очень модный композитор.

— Ну, а еще что-нибудь, вяло попросила девушка.

Лунц отказался. Сидя за роялем, он вспоминал печальные свои выступления. Слабые хлопки, небрежное внимание, быстро покидавшее клубную темноту. Он кончал играть и ежился, как человек, сидящий под дождем.

Она собралась уходить.

— Странная вы публика, музыканты. Мы вот учимся, всякому ясно, зачем. Я, например, буду врачом. А вы—не разберешь ничего. Учитесь долго—и все для себя. Ну, прощайте покуда,—и она вышла из комнаты.

VIII

Не заставши Марджанову, он решил обожать. Он подошел к двери. Из коридора за ним следила женщина.

— А вы, прости господи, не мошенник?—загудела она и надвинулась на него. Разглядев его, она успокоилась:—А ну, ну, товарищ; больно много жуликов развелось.—Она поплыла за ключом.—Идите, скоро вернется.

Лунц завозился с дверью.

— Ишь ты, товарищ,—продолжала женщина,—а попрежнему, стало быть, кавалер? Уж чего проще, прости господи? Простого проще—

кавалер и вся тут. Да вы ключ не так ставите... пустите,—и она особенным образом повернула в отверстие бородку и навалилась на дверь.

— Ну то-то вот, с хитростью; без хитрости шагу не ступишь. Ну ступайте, ступайте.

Он вошел. Комната была небольшая. Он с торопливым любопытством нагнулся к столику. Рядом с зеркалом лежала мелочь, две раковины, карточка женщины, похожей на Марджанову. Только у этой были старчески стянутые губы.

Из окна виден был тот же двор, что из его комнаты; отсюда он был поиному повернут; дерево было сбоку, мусорный ящик справа. В дальнем углу он нашел окно своей комнаты. Он представил себе ее внутри. Он оказался вдруг зрителем своей жизни. Она текла мимо, приобретая черты, незнакомые ему. Это было неуволимо. Нельзя было остановить это течение, назвав как-нибудь то, что открывалось ему.

Вошла Марджанова. Лунц быстро обернулся. Он сейчас только подумал, что его приход нужно как-нибудь объяснить. Он хотел привести внешнюю причину, но запнулся прежде, чем начал. Тогда он, как часто от неаходчивости, сказал правду: ему захотелось видеть ее. Она улыбнулась.

— Вы долго дожидались?—спросила она.

Он не заметил. Кажется, прошло немного времени.

— Отсюда, из вашего окна,—сказал он,—легко быть серьезным.

Лунц сел на кушетку. Прислонившись к стене, он наблюдал Марджанову, покамест она снимала пальто. На лице ее лежала тень, глаза казались отодвинутыми вглубь и брови сведенными. Она подошла ближе. Тень не сползла с лица, она, видимо, лежала всегда подо лбом.

— Мне кажется, вы настойчивый человек,—сказал Лунц.

Он думал перед тем о себе. Он нечаянно произнес последнюю фразу, но последующее относилось уже к ней. Марджанова сидела рядом с ним. Лунц слушал ее. В коридоре однообразно шумел чай-то примус.

Она перебирала пустяки—что-то, касавшееся болезни профессора, упражнений в сольфеджио. Она говорила деловито. Но потом, может быть от того, что он слушал, не отводя глаз, она вспомнила, что все это не то.

— Главное—петь. Петь понастоящему.

Она сказала это и посмотрела на него испытующе и долго.

— Мне много лет,—сказала она затем, продолжая мысль, тяготившую ее.

Она остановилась снова.

— Надо наверстывать.

Она встала и зажгла огонь. Свет, видный снаружи, отступил и стерся.

Она переложила карточку.

— Мать.

Лунц хотел что-то спросить.

— Стара,—закончила Марджанова.—Вот я работала. Теперь ей совсем туго.

— Вы служили?—спросил он.

Марджанова положила обратно карточку. Она возвратилась к прежнему.

— Вам легко с предметами?

Лунц встал и прошелся до двери.
 Марджанова медленно повела головой. Она задумалась.
 — Ну да что,—заклчила она,—на сцену бы, вот что.

IX

На этот раз Галай действовал энергичней. Вбежав к Лунцу, он сразу же начал кричать.

— Нет, ты скажи окончательно,—кричал он,—ты собираешься работать? Нет, я желаю знать... Человек не записан на бирже! Месяцами люди толкутся, отжимают ноги, ругаются, а этот, видите ли, служитель искусства, спокоен. Ему на все наплевать. Сидит тут в прокишем воздухе...—он брезгливо осмотрел комнату.—Ему, видите ли, ничего не нужно, окончательно ничего. Да ты знаешь ли, чем это пахнет? Ведь это что? Это разве только служба? У тебя все так. Ого, я давно смотрю. Ты думаешь, так вот никто ничего не понимает, никто тебя и не видит?

— Чего ты кричишь?—спросил наконец Лунц.

— Да я работу хочу тебе предложить, премированный остолоп, работу, понял? Ты будешь играть со мной.

— Где?—не выказывая удивленья, спросил Лунц.

Галай растопырил ноги.

— В пивной,—ответил он,—в пивной, чорт побери. Будешь играть, как все.

Лунц встал. Присевши к роялю, он тронул клавиши. Потом обернулся к окну.

— Слушай,—схватил его за плечо Галай.—Чего ты молчишь?

— Да так,—ответил Лунц,—ты знаешь, я не умею.

— Сумеешь, говорят тебе. На вот, послушай,—и, столкнувши его, он стал бойко играть на рояли фокстрот.

X

Оркестр гудел в пивной. Потные лица, висевшие над бутылками, тянулись навстречу друг другу. Плавали руки, плавал в лужицах вылущенный горох, зеленое стекло проплывало в мутном воздухе.

Лунц сидел за пианино, согнувшись. Он, щурясь, играл с писанных нот. Сзади била тарелка. Флейта взвизгивала и заходилась. Посреди всех Галай, прижавши скрипку к щеке, с небрежным усердием водил смычком. Он ловил хлопотливые взгляды Лунца и движением бровей снисходил до него.

— Ничего,—сказал он в перерыве,—плаваем понемногу; надо бы нам пивца.

Лунц поморщился.

Он весь вечер не распрямлял спины. В перерывах он сидел в прежнем положении, руки его медленно двигались, беззвучно трогая клавиши.

— А ну-ка, музыканты, чего-нибудь веселей,—сказал на ходу заведующий,—за дело, за дело.

Галай понимающе кивнул.

— Аделаиду,—сказал он оркестру и, устремившись со скрипкой к краю эстрады, наклонил голову.

Окончив, он подсел к Лунцу.

— Меланхолик,—он отчищал внизу брюки.—В Германии в кафе играют концерт Брамса.

Лунца охватывало беспокойство и вялость.

— Вот бы тебя туда.

— Слушай, до которого часа это будет тянуться?

— Успеешь, успеешь,—и Галай пододвинул ему новую тетрадь.

Зал шел сизыми полосами. Повороты фигур, движения рук расплывались, как пятна в воде.

Сбоку сидела женщина. Она медленно подносила стакан, освещая лицо. Черты его начинали смещаться. Лунц смотрел долго. Он не знал, были ли глаза большими, или они расширились сейчас. Он видел Марджанову, сидевшую за столиком.

Тогда он понял, что она могла так смеяться. Забывши строгость, заливисто и бессмысленно.

Дальше следовала провинция, лето, обязательно лето, высокое небо и Марджанова, отдыхающая на траве. Чувство простоты, расширяясь, дошло до предела. Беспокойство пошло пузырями, как в стакане воды. Он должен был привстать.

Последнее, что он успел подумать, относилось к нему: в сущности, он в постоянной тревоге.

Галай дернул его за рукав.

— Посмотри, интересная женщина.

Когда Лунц посмотрел туда снова, она была прежней, дамой с удлинненным лицом, разглядывавшей недопитый стакан.

Уже гасили огни. Засидевшихся выводили за дверь. Затягивали желтые занавеси, и люди, прилипшие снаружи к мокрому стеклу, медленно отходили.

Сырая ночь теплела от ветра, она шла навстречу, едва задевая лицо. Круги фонарей, не спеша, прохаживались по земле и, касаясь голых деревьев, всползали и падали.

XI

Лежа в постели, он с усилием припоминал минувший вечер. Мысли его разбредались и падали; он достигал их обрывки и, в недоумении вороша их, не знал, откуда они. Что-то продолжало его беспокоить.

Туманное и молочное небо оттесняло дерево, двор и то немного, что оставалось еще во дворе от утренней сутолоки. Лунц устал от усилий. Передвинув голову, он на мгновение возвратил ей чувство, в котором он засыпал вчера—чувство веса, стремительно увлекавшего ее вниз. Но это прошло, и снова молочный верх и стена дома двигались на него. Посреди бесполового утра возникла мысль о Марджановой. Он неожиданно вспомнил, что это было главное. Мысль эта одиноко торчала сейчас. Ему нужно было видеть ее, он не мог припомнить зачем.

Он ушел, на ходу прибирая волосы.

Марджанова стояла в пальто. Увидав его, она отошла к кровати. Ему показалось, что она удивилась. Он попробовал объяснить,—в сущности, дела у него нет, и если она собирается...—но она вешала уже пальто на гвоздь.

Лунц осторожно прошел через комнату, сторонясь столика и вещей, выраставших перед ним. Он неловко засунул под кушетку ноги и, сидя в неудобном положении, рассеянно обводил контуры пальцев, оглядывая комнату.

Он все начинал не с того, хотя так и не мог вспомнить, что же нужно было сказать. Марджанова рассматривала его, как будто изучая. Лунц увидал ее в зеркале, стоявшем на столике, ее широкий нос и сжатые губы. Взглянув на нее, он остановился на различии, открывшемся ему. Оттуда все было глаже. Глаза были красивее, чем там. Проникаясь к ней дружелюбием, он вылавливал куски своих мыслей. Ему казалось, что он стоит, как сплавщик леса, по пояс в воде. Это относило его к детским воспоминаниям. Но он тут же кинул их.

Выходило так, что жизнь его расплывается. Она течет, не имея прямого пути.

И сразу же он повернул свой плот: он любит ее, эту самую жизнь. Даже странно—до чего он ее любит; он неловко улыбнулся. Она постепенно открывает свои невероятные простые истины. Она, оказывается, любит больше всего уравнивать положения. Музыка, искусство под ее ударами обращаются в обыкновенный рабочий день; служение обществу—зауряднейший долг; его когдатшние представления уходят, лишенные свежести. Скоро от них не останется и следа.

Марджанова продолжала изучать его.

Что же его тревожит?—спросила она недружелюбно, ему показалось.

Он собрал остаток своих сил, уносимых его разрозненными мыслями. Жизнь, вероятно, была с ним неискренна. Оказывается, в любом положении один человек может быть заменен другим. Она в детстве подсовывала ему различия; он вырос на них. Теперь, может быть, привыкают к другому. Может быть, те, кто растет сейчас, будут так же любить сходство, как он когда-то—особенности.

Его надежды питались верой в его особенность. А теперь он не знает, нужны ли они. Может быть, их и нет совсем.

— Очень много талантливых людей,—медленно заметила Марджанова.

К нему снова пришло чувство доброжелательства.

— Хорошо,—сказал он,—итти в ряду людей талантливых.—Ну, а он, может быть, не талантлив совсем, кто знает?—и он осторожно посмотрел на нее.

Она показалась ему нечуткой.

— Вы играете на людях?—спросила она наконец.

Он усмехнулся.

— У меня нет людей, которые бы меня слушали.

Она удивилась.

— Вот в клубах...

— Нет... у каждого может быть своя публика... я думаю...

— Странное дело.

— Там нужно играть громче, чем я.

— Вы не любите публики?—продолжала она.

— Нет,—он замаялся,—я хотел бы охранить музыку от посторонних людей.

Марджанова промолчала.

XII

Галай поймал ее в вестибюле.

— Идите, идите, дело есть.

Он потащил ее за собой в буфет.

— Идемте. Я насчет Лунца.

Она остановилась.

- Вы встречаетесь с ним?
Она удивленно и нелюбезно посмотрела на него.
— Ничего, ничего,—заторопился Галай,—он мой несчастный приятель. Я за него отвечаю.
— Ну-с,—начала Марджанова,—что вам нужно?
— Фу ты, беда с вами. Мне посоветоваться, вот что. Ведь вы человек с характером?—Галай сел на скамейку.
— Садитесь,—любезно предложил он.—Как вы думаете, он порядочный оболтус, а?
Она пожала плечами.
— Ведь вот дело какое, ничего не делает, считает в небе шишки, не иначе. Совершенный оболтус, а? Не могу сообразить, умеет играть он или нет, а? Как вы думаете, Марджанова? Просто чорт его знает.
Он продолжал допрашивать ее, щуя глаза.
— Ну так что же?—наконец произнесла она.
Галай как будто обрадовался. Как будто он дожидался этого.
— А вы повлияйте на него,—начал он с еще большей живостью.— Знаете, все-таки женщина,—он сделал неопределенное движение рукой,—женщина все-таки не мужчина. Повлияли бы, а?
Она встала.
— Чепуху вы говорите,—сказала она и начала заворачивать ноты.—Я здесь непричем.
Галай замахал руками. У него сделалось виноватое лицо.
— Ну, вы не сердитесь, Марджанова. Я ошибся, ну, ладно. У меня все очень скоро выходит. Очень много у меня этой быстроты, правда.
Он вытащил у нее из рук ноты.
— Любашу поете? Здорово, здорово. Говорят, и голос же у вас любопытный, а?—он приподнял брови.—Замечательный голос, а? Что и говорить, превосходная женщина. Знаете,—решил он,—нужно будет притти к вам как-нибудь в гости. Серьезно. Только вы пригласите.
Он шел следом за ней.
— Обязательно пригласите, обязательно. Да куда вы? Да что же это? От меня убегаете?
Марджанова снисходительно посмотрела на него.
— Я тороплюсь на урок.
— Ага, ага,—тотчас согласился Галай,—ну, валяйте, чего там.

XIII

Класс отделялся двойной дверью. В тесном промежутке стояло несколько человек. Они незаметно раздвигали щель и вслушивались в то, что происходило там.

Профессор стоял у рояля. Дирижируя рукой, он раскачивал свое крупное тело и, останавливаясь, смотрел на учеников, словно спрашивая их, что они думают. Затем он кивал головой.

Отдельные звуки, которые он брал, зарождаясь в странной глупине, наполняли класс; когда он кончал, вокруг возникала пустота, которую трудно было заполнить.

Марджановой казалось, что голос ее едва пронизывает эту гулкую пустоту. Она пела партию Любаши. Волнение толкало ее вперед. Как будто она шла босая по горячему камню. Нужно было не останавливаться. Но профессор проводил рукой по воздуху. Пианистка виновато смотрела на него, дожидаясь его взгляда. Профессор подходил

ближе. Марджанова всматривалась в ноты, не узнавая того, что она пела.

Она кончила. Она отошла от рояля к окну, где лежала папка.

Профессор ходил по классу.

— Материаль превосходный,—задумчиво сказал он с нерусским акцентом.

Марджанова зло посмотрела на него.

В коридоре подошел к ней гладко причесанный студент. Она не узнала его в темноте.

— Хорошо вы поете,—начал он.

Она резко обернулась.

— Я слушал вас за дверью.

Марджанова вспомнила его. Его звали Гурьев.

— Я не могу петь. Я волнуюсь всегда.

Гурьев шел с ней по лестнице.

— Что же делать, все волнуются.

— Ну так как же?

— Да никак. Все постепенно приходит.

Он довел ее до вешалки. Он помог ей надеть пальто и вышел с ней. Было холодно. Посреди уходящего дня уже стояла луна. Улица стиралась, падая в темноту. Ламповщики зажигали шестами огня.

Гурьев разговаривал, не спеша расставляя фразы. Марджанова молчала. Все доходило издалека и ложилось поверх ее мыслей. Она слышала, он говорил о школе, о системе профессора, о том, как владеют дыханием. Ее одолевала тяжесть. Ей хотелось добраться скорей до дому. Она несла в себе ощущение старости и ненужности того, что она делала.

— И вы тоже волнуетесь?—вдруг спросила она.

Он кивнул.

Они вошли в переулок. Автомобили стихли. Звук их шагов двигался рядом с ними.

Посреди одолевавших мыслей она вспомнила Лунца. Он встал незаметно. Он делался все беспомощней. От этой чужой и неожиданной близкой слабости Марджанова почувствовала теплоту. Его странные мысли показались случайностью; они заслонились нерешительным гелбсом, робостью и тем, что сейчас возникало в ней самой.

Дома она мысленно говорила с ним. Она, горячась, объясняла.

— Странный вы человек, добивайтесь, а не так, как вы... Можно ли быть таким нерешительным? Нужно публике верить, а вы боитесь и не любите, что же это? Вы боитесь простых суждений—ей казалось, что она переубеждает его. Лунц начинал понимать.

Она долго ходила по комнате.

— Да, да,—решила она—обязательно, в клубах, что ли...

XIV

Продолжая играть в пивной, Лунц постепенно подчинялся Галяю. Тот настойчиво опекал его. Он заботливо являлся за ним каждый день к вечеру.

— Можно было бы исколотать для тебя стипендию,—говорил он и тут же останавливал себя,—ну, да ты оболтус. Таким не полагается быть на государственном иждивении. Ну-с, и тебе еще нужно пальто и штилеты.

Он заставлял его надевать рыжую выцветшую толстовку и уводил с собой. Встречая по дороге знакомых: он представлял им:

— Человек, которого я спасаю. Вырождается,—объяснял он, прикладывая палец ко лбу.

— Ничего, ничего,—примирительно говорил он затем.—Не беспокойся. Пивная тоже дело, ого. Ого-го, еще как. Сколько таких вот, как мы, сидит по пивным. Не знаешь? Ну,—доканчивал он,—баста. Платят прилично, нечего говорить. Верное дело—и баста. Выпивать любят все.

Лунц привыкал. Воздух пивной, подобный мутному стеклу, плотно надвигался на него. Повторяясь, все делалось обычным. Заведующий, на ходу кидавший слова, бойкие музыканты, случайные люди с разбухшими чертами. Он возвращался ночью домой, унося бестолковое утомление.

— Ничего, ничего,—утешал его Галай,—все меняется. Будешь еще профессором в Тмутаракани, ничего.

— Слушайте,—кричал он,—слушайте фокстрот в моей инструментке. Флейта и виолончель! Слушайте! Верно, недурно, а?

— Послушай,—спрашивал Лунц,—это завод на всю жизнь?—и он безнадежно отпихивал попитр.

— Чудак,—говорю тебе, все меняется. Виолончель через год выйдет замуж. Положим, она и тогда будет играть в кафе. Флейта займется вязанием галстуков. Контрабас будет дирижировать в соседней пивной. Только я вот,—кончал он,—наверно буду так же болтаться. Ну, да что. Нужно будет исполнить здесь концерт Паганини. А? Ну, ну, ладно. Могу же я,—воодушевлялся он снова,—уехать в турне—с опереттой? Женюсь на артистке, а? Или, чего лучше, сыграю концерт с оркестром в летнем саду, получу класс в провинции, профессор не хуже тебя. Или в союзе, заведующий музыкальной частью, а?—Он умножал свои планы. В каждом он поприятельски умещался.

Лунцу начинало казаться, что он мог бы войти в эту неструю жизнь. Он начинал испытывать зависть.

Задетый чужой бодростью, он усердней играл фокстроты. Но он скоро опадал. Бестолковые вопросы, трудные от тугоподвижности, шевелились снова. Планы Галай уплывали, и он оставался один. Он иногда чувствовал совсем осязательно свое странное, непохожее на окружающих чудачество.

Ну да, чудак,—думал он. Однако чудачки бывают спокойны,—так казалось ему. А он все чаще ощущал свое беспокойство.

Извозчик подгонял лошадь. Снег сыпался с поднятого верха. Белизна выстилала улицы. Деревья вырисовывались, как в детской книжке. Собираясь на зиму, город источал необыкновенную жизнь.

XV

В комнате было холодно. Сырые полосы ползли по стеклу, по отставшей замазке и подоконнику.

Марджанова стояла в пальто, заложив в обшлага руки. Она изучала себя: открыв рот, испытующе проверяла состояние губ, дыхание,—ей как будто нужно было ощутить рождение звука; она напряженно и тщетно ловила его.

Потом она начинала ходить по комнате. Проходя мимо зеркала, она останавливалась и смотрела на чужое лицо, стоящее против нее.

Оно не нравилось ей, оно ее раздражало. Ей хотелось сесть на кушетку, обхватить колени и сидеть долго с закрытыми глазами.

Тусклый голос выводил ее из себя. Она настойчиво старалась представить его, возродить в памяти чистый звук; но он ускользал, он пропадал в расселинах, оставляя чувство тревожной и раздражающей пустоты. В зеркале она видела свои запавшие глаза.

Утро проходило. Поглощенная собой, она сухо снимала с него приставившие посторонние мысли.

Но голос начинал звучать неожиданно. Этому предшествовало особое чувство освобождения, близящейся легкости. Он наполнял гулку от холода комнату; удлинненный, он продолжал звучать в углах.

Она слушала себя, и ее охватывало волнение. Потом в памяти медленно умирал его тембр. Оставалось чувство глубины. Жизнь, отражаясь в ней, текла, наполненная до краев высоким чувством.

Она вдруг сдалась. Она решительно ухватилась за то, что казалось все время ненужным.

На лестнице она остановилась, точно проверяя себя, потом снова начала спускаться.

Шел снег. Глуховатый день окружал проходивших. Она свернула за угол и вошла в парадное. Грязный подъезд и темнота вызвали жалость к человеку, к которому она шла.

Марджанова позвонила три раза. За дверью был неприбранный коридор, лишенный домашней и тесной слаженности, которая бывает подчас в беспорядке.

Луңц сидел за роялем. Он давал урок.

Он смутился, растерянно посмотрел на ученика и на нее, подвинул свой стул, потом предложил ей сесть на кровать; продолжая урок, он несколько раз оборачивался на нее.

Ученик сегодня понимал его; это было видно по тому, как он кивал головой и смотрел на Луңца. Это сообщало тому доверие к себе.

Марджанова, сидя на кровати, приязненно смотрела на его круглую спину. Беспокойство и одиночество покидали ее. Свое гладкое состояние она приписала комнате. Она была здесь в первый раз.

Ученик ушел. Проводив его, Луңц обратился к ней:

— Понятливый мальчик,—заметил он, оберегая его на случай, если он не понравился.

Марджанова не поддержала его. Ей опять стало не по себе.

— Ну вот,—сказала она, подымаясь,—пришла посмотреть, как вы живете. У вас не холодно,—добавила она, как будто это было самое нужное в ее визите.

Беспокойная полнота, в которой она вышла из дому, совсем затерялась посреди незначущих фраз.

Тогда Марджанова резко свернула.

— Хотите мне помогать?—спросила она.—Мне будет легче работать.

Луңц обрадовался.

Она остановилась перед чем-то; это была пустота, в которую предложение упало, заняв небольшую часть. Она начала перелистывать книгу. Луңц оторопело улыбался. Он стоял возле, не зная, что с собой делать. Потом он отошел к окну.

Марджанова продолжала перелистывать. Взглянув на него сбоку, она не увидела прежней ненужной улыбки. Его лицо было далеко от

комнаты. Она почувствовала облегчение. Она захлопнула книгу и собралась уходить. Она сжала руку Лунца.

— Чего вы улыбаетесь?—вдруг спросила она и выдернула руку.—Это смешно, право.

Его остановившаяся улыбка вызвала в ней тоску. Она снова придвинулась к нему. Своей широкой рукой она начала гладить его волосы.

XVI

Лунц писал вот уже несколько дней. Вещь не сшивалась. Она была беспомощна, он это чувствовал; она лежала беспорядочными ключьями.

Возникнув из случайных аккордов, которые отнесли его в сторуону от чужой музыки, вещь в сознании быстро разрослась в сонату. Он отошел от рояля. Музыка и мысли текли в нем одновременно, накатываясь, как ком.

Возвратившись к сонате, он потерял все ее повороты. Он долго добивался чего-то за роялем. Но клавиатура все больше трезвела. За этим нельзя было разглядеть того, что составляло образ вещи.

Лунц унес из дому гармонию, засохшую от усилий. Снег уже потемнел. Цвета халвы, он покрывался испариной. Сырость шла от земли, от спин лошадей; накапливаясь, она прохватывала все. Он возвратился к себе сырой.

Вечером он раздраженно слушал Галая. Он сидел за роялем, согнувшись больше обыкновенного. Посреди чарльстона, его вдруг настиг один из поворотов, забытый им.

Он играл поздно ночью, закрыв модератор.

— Ерунду вы играете,—заметила ему на следующий день девушка, дочь хозяев,—совсем несуразное что-то.

Лунц сбоку посмотрел на нее. Потом через силу улыбнулся.

Он должен был признать, что произведение его неудачно. Намерения, которые поддерживали его вначале, пропадали.

Вечер снова возвратил его к ним. Лунц понял, что это движется скачками, приходит и уходит. Чем больше настойчивости он проявлял, тем труднее было вернуться к неопределенному состоянию, из которого возникли первые аккорды. Сознание его не имело отлитых форм.

Ему начал представляться далекий путь, к которому его усилия могли иметь лишь условное отношение. Нужно было ждать.

XVII

Стоя за кулисами, Марджанова испытывала все возраставшее волнение. Вокруг были свалены старые декорации, сломанная фигура гармония стояла покосившись.

У нее пересохло в гортани; казалось, что голос по дороге за что-то заденет, оцарапает и, наверно, не сможет проскользнуть гладко наружу. Она ходила по небольшому участку промеж декораций.

— Я волнуясь,—сказала она вполголоса Гурьеву и пошла дальше.

Пианистка, с лицом улыбающимся и умильным, сидела на скамье. Певец Середа попробовал взять какой-то звук. Недовольный, он выпростал шею и снова взял тот же звук.

— Тише,—заметила пианистка и виновато посмотрела на него.

Он брезгливо повернулся и отошел за декорации.

Слышен был голос оратора и слабое гудение зала.

— Вам, может быть, чаю?—подскочил распорядитель и расторопно завертелся, делая руками успокоительные жесты. Он побежал вперед и, доставши ключ, открыл кабинет заведующего.—Сейчас все наладим.

Скрипач стал разворачивать инструмент. Принесли карамель и чай. Распорядитель подбегал поочередно ко всем и останавливался словно озадаченный. Смычок соскальзывал с канифоли, старый футляр был похож на расколотый орех.

Скрипач стоял к нему спиной.

— Мазурочку нам сыграете?—ласково обратился тот.—Мазурочки публика любит.

Лицо скрипача покривилось.

Распорядитель вздохнул и провел осторожно пальцем по скрипке. Середа все выпрастывал шею; воротник мешал его голосу. Марджанова, сидя в пальто, неспеша разговаривала с Гурьевым. Ее волнение, как вода, бьющая под тонкой дощечкой, пробивалось наружу. Гурьев говорил о катке.

Они скоро возвратились за кулисы.

— Начинайте,—сказал заведующий,—кончился доклад.

Зал гудел, исполненный небрежного любопытства.

Пианистка вышла первой. Отодвинув стул, она дотронулась до желтых клавиш и растерянно посмотрела на педаль. Она вздохнула и опустила руки.

— Я сыграю вам революционный этюд Шопена,—сказала она.

Заведующий, устроившийся на эстраде, скептически посмотрел на нее.

Она вернулась с виноватой краской в лице. Продолжая растерянно улыбаться, она объясняла всем, что инструмент очень плохой.

Поведение зала не понравилось Серде, он подошел к заведующему.

— Товарищи,—поднялся тот,—прошу соблюдать порядок. Добро бы выступали артисты с опытом, а то студенты. Эти при шуме не могут!

Темнота небрежно гудела.

Заведующий стоял у края.

— Ну тише, что ли,—сурово сказал он.

Он постоял; потом сдвинул кепку и неожиданно подмигнул залу.

Скосив глаз в сторону скрипача, который подстраивался для второго номера, он отошел к стулу.

Он проводил скрипача несочувственным взглядом.

— Концерт,—сказал он неопределенно и передвинул стул.

— Ну, тише там, что ли,—на всякий случай повторил он и безнадежно отвернулся.

Вышла Марджанова. Заведующий взглянул сбоку так, словно бы довольно и предыдущего. Она подошла к роялю, потом отодвинулась в сторону и оглянулась назад, за кулисы.

Она начала петь детские песни. Ей показалось, что голос ее возник случайно, где-то в стороне от нее; он был чужой, непохожий на тот, давешний.

Она взглянула в темноту зала и, усомнившись в себе, отвела глаза. Тогда она сосредоточилась на одной точке, каком-то выступе пола, и старалась не терять его.

Это, вероятно, тянулось недолго, но, уже приближаясь к концу, она снова услышала свой голос; он был другой, он наполнял зал.

Марджанова возвратилась, не глядя. На лице у нее были кирпичные пятна. Зал требовал ее. Она в недоумении обернулась.

— Ну, идите,—сказал Гурьев,—видите как?

И он подвел ее ближе.

— Что же я буду петь?—остановилась она.

Но он не дал ей думать.

— Ну, ну, идите!—сказал он, слегка подталкивая ее.

Зал стучал, голосил, требовал.

Подбежал повеселевший заведующий.

— Вот это я понимаю! Это вот дело. Только нужно еще чего-нибудь. Нет, нет,—замахал он,—ни-ни-ни, обязательно.—И, повернувшись к залу, он особенно ему подмигнул.

Застучали еще сильнее. Заведующий успокоенно посмотрел на нее.

Они еще долго хлопали. У края эстрады стояли подростки и флегматически рассматривали свет наверху; сзади, в темноте, продолжали требовать.

— Еще номерок—на всякий случай сказал заведующий и пошел за деньгами. Он потребовал с них расписку.

— Ну вот видите—повторил Гурьев,—как все здорово получается.

Марджанова, обернув платком шею, вышла, не разговаривая.

Так он довел ее до трамвая. Прощаясь, он напомнил о катке.

XVIII

Пришлось долго растапливать; дрова были сырые. Огонь обжег их и стлался понизу, вздрагивал и тух.

Марджанова зачихнула глубже дрова и облила керосином. Потом подбросила бумаги. Печь, наконец, разгорелась.

Она стояла перед ней, держа кочергу. В коридоре забыли зажечь свет. Двери были закрыты. Отсюда были видны слабо освещенные прорезы вверху и слышалась детская возня.

На полу лежал красноватый след. Он покачивался, за ним начиналась темная глубина жести, освещенная изнутри. Прислонившись к двери, Марджанова, не отрываясь, смотрела.

Красные полосы начинали расти; они созревали; они отходили от целого сборища исполосованных следов, плыли, и она шла следом за ними, не упуская. Необременительное движение возобновлялось снова. Она стояла переполненная. Это была нескончаемая игра с ее давешним успехом, который так же расслаивался, разрастался, посылал свои отражения и снова собирался в одно.

У ней начало гореть лицо.

Во дворе лежал синий снег. Ватные люди открывали обитую дверь сарая. Заржавленный скрип оставался снаружи.

В темноте за ней следовало прежнее чувство; оно настигало людей, предметы, оно все втягивало в эту игру. Сломанная фисгармония, софиты, скошенный глаз заведующего, голос Гурьева—все прорывалось и снова несло дальше. Возникло лицо Лунца. Как будто и он был участником ее успеха. За ним следовали сильные голоса, потные лица и желтые занавеси, которые она видела днем. За всем сгрудившимся началась прежняя жалость; жалость, вся закрашенная ее успехом.

Он, казалось, не удивился, увидав ее в пивной. В мутном воздухе неожиданность могла возникнуть сама по себе. Он доигрывал вальс. Галай устраивал Марджанову сбоку оркестра.

— Да, да,—суетился он,—что же, заставим вас петь; ого, как здесь весело!

Она трезво смотрела по сторонам. Лунц выпадал из окружающего.

Снова начали играть. Ей видна была его спина, круглая спина, которую, ей казалось, она знает давно. Он шурился, и это тоже было давно знакомо.

Они вышли втроем. Галай зубоскалил. Он предлагал даме нести футляр скрипача и ноты артиста. Заговорившись на углу с женщиной, стоявшей у возка, он так и остался сзади.

Ссыпавшийся снежный бульвар, легкий треск в воздухе и зеленые огни едва ворошили ночь. Было скользко. Она взяла его под руку. Они долго шли молча. Снова ее охватывало нетерпение и бессилие перед чем-то, что ей мешало давно. Сейчас ей казалось, что это действительно уже давно стоит перед ней. Это было ее отношение к нему.

Марджанова остановилась у подъезда.

— Зайдемте,—сказала она, точно решая за него.

Парадное было неосвещено. Она осторожно потянула его и так довела до двери. Подымаясь по лестнице, Марджанова высвободила свою руку. Она отворила дверь; оба вслушались. Вероятно, в ванной стекала по каплям вода и билась о гулкое дно. В соседней комнате кто-то сопел.

Лунц прищурился и улыбнулся навстречу свету. Он пошел через комнату, как по палубе. Она сняла с себя пальто, по привычке поправила салфетку, лежавшую на столе, и села рядом.

Узкая щель, отделявшая их, касалась его, словно платье. Он боялся двинуться.

Марджанова шевельнулась. Щель без следа и опасно пропала. Она коснулась его плечом. Если бы он не улыбался! Она закрыла рукой его лицо, и он почувствовал на виске ее губы.

— Глупый, жалкий, глупый,—повторяла, почти задыхаясь, Марджанова.

Она неслышно бегала по комнате. Она сжимала голову руками.

— Боже мой, как это смешно. Вы выше. Вы существуете для себя. Вот с этой улыбкой... с жалким лицом.

Лунц так же беспомощно улыбался. Он сначала сидел, бессознательно водя глазами за ней. Потом он медленно привстал. Он понемногу придвинулся к двери.

Тогда только он нашел решение и перестал улыбаться.

— Знаете,—сказал он,—я уйду.

Марджанова остановилась у стола и удивленно, не понимая, посмотрела на него. Она постояла несколько времени, сняла со стола руку.

— Да,—сказала она,—идите,—и начала поправлять салфетку.

Он тихо притворил за собой дверь.

XIX

Главное оказалось смятым. Оно лежало, как старая вещь в большом сарае. Марджанова отгоняла весь этот ворох раскрошившихся мелочей. Ей хотелось закрыться, но это само наползало. Его бессиль-

ная улыбка, решительность, упавшая в пустоту, вся эта плохо сыгранная сцена чувств.

Они были смеять. Касаться до них было неприятно. Отсыревший день, нетопленные сумерки и голоса в коридоре—все загнивало и липло. Ее прошлое, наполненное строгим однообразием, лежало в дальнем и недоступном углу. Наблюдая его отсюда, думая о где-то оставленной собственной жизни, она испытывала тоску человека, потерявшего чистоту спокойствия.

Она прошлась по комнате, посмотрела на карточку, на мелочь, лежавшую на столике. Она начала писать письмо и бросила. Она водила карандашом беспорядочные линии, из которых возникали какие-то лица, далекие события, облегченные от расстояния.

Близкое не трогало ее. Она не могла петь. Она долго не выходила из комнаты.

XX

— Прекрасный лед,—сказал Гурьев, привинчивая коньки.

Марджанова, уже готовая, стояла рядом с ним, около круглой печки и, немного покачиваясь, постукивала по полу.

Они вышли наружу. Она чуть не упала на скользкой лесенке, шедшей ко льду. Гурьев удержал ее.

— Я, вероятно, совсем разучилась,—она нерешительно посмотрела вниз. Ей показалось, что она отвыкла от света. Глазам стало больно от искр, падавших отовсюду. На столбах раскачивались молочные шары.

Он отпустил ее, слегка оттолкнув. Она потеряла власть над ногами.

— Я совсем забыла!—крикнула она, хватаясь за забор.

Но чувство легкости уже возникло в ней, она вспомнила, как когда-то девочкой бегала по льду. Она сама оттолкнулась и, немного прокатившись, упала.

— Фу-ты,—сказала она, поднимаясь. Гурьев уже держал ее.

Но она постепенно припомнила, какое чувство должно быть в теле; то особое напряжение, от которого делается легко и можно двигаться.

Они бежали рядом. Они перерезали скользкие тени и раскалывавший свет. От музыки, от собственного движения, от ловкости в теле ей стало хорошо. Ей хотелось двигаться так без конца.

Они пошли к печке греться. Марджанова растирала руки, покрасневшее лицо и смотрела на людей, стучавших коньками по полу, удивляясь. Зачем они проходили с видом настоящей деловитости, будто можно так взаправду серьезно стучать об пол. Она опять вспомнила Лунца. В конце раздевальни было темней. Чья-то круглая спина вызвала его в памяти. Он скользнул к ней, точно по льду.

Марджанова обернулась. Она и впрямь увидела его. Он шел, держа навесу коньки. Ей стало странно; два состояния, далеких и несхожих, оказались здесь рядом, у печки.

Он смущенно подошел и от неловкости ударил коньком трубу. Длинная тень упала издали, как от низкого света. Марджанова посмотрела вокруг.

Все было прежнее. Гурьев подвинчивал коньки. Неяркий огонь висел над платнем. На узенькой стойке шипела и лилась через край раскрытая бутылка.

— Вы катаетесь?—спросила она.

Он признался,—это случайно,—и покраснел. Он пошел следом за ними. Марджанова ступила на лед; откатившись, она посмотрела назад. Гурьев догонял ее.

Луниц нерешительно стоял у перил.

— Ну что же!—сказала она и резко оттолкнулась.

Чувство усталости охватило ее. Музыка, показалось ей, играла слишком тихо. Она ложилась по краю льда. Гурьев скользил рядом, не мешая ей.

Луниц стоял один. Держась за канат, он сосредоточенно и безучастно смотрел на пробегавших, как когда-то в кино. Яркий лед, голоса, тонкий звук, висевший в воздухе от коньков, рождали в нем печальную и оцепенелую ясность. Он видел себя, свои нелепые движения, ненужную улыбку. В этом общем легком движении он осмысливал все. Он не винил себя. Ему хотелось оставить это здесь, у нее, объяснить ей.

Она катилась навстречу ему. Луниц скользнул от каната. Марджанова замедлила движение. Она посмотрела назад. Гурьев был далеко.

— Ну, как вы?—спросила она, неприязненно отводя глаза.

— Я хотел... мне грустно,—произнес Луниц и нагнулся, чтоб удержать разбегавшиеся ноги.

Она сверху посмотрела на фигуру, ловившую воздух.

— Какой вы все-таки... не человек,—докончила она.

Прежняя тоска охватила ее. Он показался ей поглощенным и упрямым. Непреклонность происшедшего возвратила ей ее чувства с новой остротой.

— Так вы совсем не умеете жить? Любить нужно учиться?—пересилив себя, произнесла Марджанова.

Луниц выпрямился.

— Я... начал он,—меня съедает искусство. Я, вероятно, совсем не свободен. Мы оба... только вы нашли себя...

— Ну, ищите,—небрежно сказала Марджанова и, повернув, скользнула назад.

Луниц покачивался, ловя неловкие ноги. Он стоял так, пропуская мимо себя конькобежцев, окрики, бодрость. Он стоял—смешной и серьезный.

К Проверке ПАРТ ЯЧЕЕК

ЦК и ЦКК партии признали необходимым проверить кандидатский состав вузовских и советских ячеек.

В связи с приближением зачетной сессии время проверки по вузовским ячейкам определено на 1 октября—31 декабря нынешнего года.

Проверяется только кандидатский состав как наиболее слабое место непроизводственных ячеек. Однако вузовские ячейки из этой проверки должны сделать также и общие выводы для себя. Они должны еще раз продумать содержание и методы своей работы, исходя из необходимости обеспечения всем коммунистам необходимых условий для поднятия и улучшения своей академической учобы с тем, чтобы одновременно укреплялась связь коммунистов с партией и рабочим классом и повышался их идейный уровень. Сочетание этих задач, как известно, весьма нелегкое, однако каждый год и месяц работы ячеек должен приближать к достижению такого сочетания, и необходимость его все время должна быть в центре внимания ячеек. Поэтому проверка кандидатов в вузах должна пройти как широкая общественная кампания проверки работы ячеек, привлекая к себе внимание не только кандидатов, но и всех коммунистов.

В настоящей статье мы останавливаемся на основных вопросах, характеризующих кандидатский состав вузовских ячеек, с тем, чтобы яснее стали цели и задачи проверки.

Проверке подлежат по данным партпереписи в учебных заведениях около 20 000 кандидатов партии, что составляет 34,6% ко всем коммунистам-учащимся.

Основное число подлежащих проверке кандидатов находится в вузах и именно здесь положение с кандидатским составом наиболее неблагоприятное.

Число кандидатов в вузовских ячейках меньше, чем во всей партии. Выборочное обследование показывает, что процент кандидатов в вузах в среднем колеблется от 21 до 27%. В партии же кандидатов 30%. Этот более низкий процент объясняется прежде всего крайней незначительностью приема в партию вузовцев (в других учебных заведениях—совпартшколах, рабфаках—прием больше); кандидаты-вузовцы в партию вступили по преимуществу до поступления на учобу.

Поэтому бесцельно было бы сопоставлять социальный состав кандидатов с беспартийными вузовцами—не из их среды комплектуются кандидаты партии. (Все же заметим, что обычно среди кандидатов партии вузовцев процент рабочих выше, чем среди беспартийных, не-

смотря на то, что в отношении коммунистов во время партпереписки была проведена жесткая проверка социального состава, и многие числившиеся ранее рабочими были переведены в группу служащих. В отношении комсомольцев и беспартийных такой проверки проведено не было.)

Критерием для правильной оценки социального состава кандидатов вузовцев должно служить сопоставление, во-первых, со всем кандидатским составом партии и, во-вторых, сопоставление с составом вузовцев, членов партии.

Оговоримся, что точных сведений о социальном составе кандидатов и членов партии в вузовских ячейках в нашем распоряжении нет. Такой учет вообще не ведется. Мы располагаем лишь материалами выборочного обследования. Эти материалы дают возможность с большой достоверностью сопоставить состав кандидатов и членов партии по вузовским ячейкам и с меньшей достоверностью сопоставить его со всем кандидатским составом партии. Все же ввиду отсутствия других данных и эти являются показательными.

По всей партии среди кандидатов по данным партпереписки: рабочих—40,7%; крестьян—29,4%; прочих—29,9%.

Среди вузовцев—кандидатов: рабочих—40,0%; крестьян—14,8%; прочих—45,2%.

Состав кандидатов вузовцев хуже, чем всех кандидатов партии. Добавим к этому, что со времени партпереписки (конца 1926 г.) процент рабочих среди кандидатов во всей партии весьма значительно повысился, и приведенные выше цифры рабочих кандидатов партии много ниже того, что есть на самом деле.

В отношении же вузовцев мы привели данные 1928 года. Сопоставление состава вузовцев кандидатов с вузовцами членами партии видно из следующей таблицы. Приводим сравнение по решающей группе—рабочей:

Название вуза (ф-та)	Рабочие среди членов партии	Рабочие среди кандидатов
Ленинградский ун-т	49,2%	39,0%
Экономический фак-т Политехнического ин-та	40,7%	27,1%
Политехнического ин-та технические ф-ты	53,4%	48,2%
Ф-т индустриального земледелия	38,4%	34,4%
Рабфак	71,7%	61,4%

Во всех случаях состав кандидатов хуже, чем членов партии. Одно из основных объяснений заключается в том, что из рабочих в вузы попадают наиболее развитые товарищи, а таких естественно больше среди раньше вошедших в партию, т. е. уже переведенных в члены партии: в рядах партии культурный рост рабочих выше, чем вне партии.

В то же время надо установить, что члены партии рабочие и кандидаты вузовцы вышли из одних и тех же слоев рабочего класса. По одним вузам больше квалифицированных среди членов партии, по другим среди кандидатов. Так, рабочие по производственному стажу делятся:

	Производственный стаж до 1 г.		Стаж до 3 лет		Стаж более 3 лет	
	Члены партии	Кандидаты	Члены партии	Кандидаты	Члены партии	Кандидаты
По Ленинградскому ун-ту	4,4%	11,7%	23,7%	50,0%	68,3%	38,3%
По экфаку Политехнического ин-та.	3,6%	6,3%	23,4%	28,1%	73,0%	65,6%
По техническим ф-там.	7,2%	1,8%	32,3%	30,9%	60,5%	67,3%
По ф-ту индустриального землед.	4,3%	18,2%	26,1%	27,3%	69,6%	54,5%
По рабфаку	8,0%	—	58,2%	37,0%	33,0%	63,0%

Поэтому вывод о социальном составе кандидатов вузов должен быть таков:

- 1) Социальный состав вузовцев кандидатов хуже, чем состав кандидатов во всей партии;
- 2) состав кандидатов хуже также, чем среди членов партии вузовцев;
- 3) рабочие кандидаты вышли из тех же слоев рабочего класса, что и члены партии вузовцы.

При рассмотрении по отдельным вузам стажа кандидатов резко бросается в глаза просроченность его в большинстве случаев. По Ленинградскому политехническому институту из 422 кандидатов—67% состоят кандидатами более 2 лет, в том числе 20 товарищей—6 и более лет. По МГУ, Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Институту народного хозяйства им. Плеханова (по обследованию МКК) из 1 079 кандидатов 72% просрочили стаж. По Ленинградскому университету просрочен стаж у 67,8% кандидатов. Как видим, цифры сходные, устанавливающие, что $\frac{2}{3}$ всех кандидатов в вузах просрочили кандидатский стаж.

Мы устанавливаем три основных причины этого явления:

- 1) Многие вузовцы кандидаты не спешат с переходом в члены партии и недостаточно работают над своим политическим развитием;
- 2) слабо внимание и работа вузовских ячеек с кандидатами;
- 3) есть случаи механического зажима и отказа в переводе в члены партии со стороны партийных комитетов.

Перейдем к более подробному рассмотрению всех трех причин. Небольшое выборочное обследование, проведенное инструктором ЛК т. Дивеевым, показало, что из числа опрошенных им, несмотря на просроченный кандидатский стаж, 33% совершенно не поднимали вопроса о переводе в члены партии, причем участвовали в беседе с т. Дивеевым более активные кандидаты.

Сходное положение мы находим почти во всех вузах—почти везде значительное количество кандидатов с просроченным стажем вовсе не подавало заявлений о переводе в члены партии.

Обычно студенты жалуются на затрудненность в переводе в члены партии для членов вузовской ячейки по сравнению с производственной, сельской и отчасти советской ячейкой. Эта затрудненность часто в самом деле есть, хотя в ряде случаев, наоборот, мы встречаем предъ-

явление недостаточных требований при переводе в партию. Об этой затрудненности ниже мы скажем специально. Здесь надо отметить, что боязнь подавать заявления у некоторых кандидатов существует— «вряд ли в вузе примут».

Весьма большое распространение имеют слухи о том, что в районах при ознакомлении с кандидатами партии (а также и вновь вступающими) задают нелепые вопросы, вызванные якобы стремлением запутать вузовцев, или же невежеством беседующих с ним. В 99 случаях из 100 этих слухи не имеют под собой ровных никаких оснований, однако некоторые элементы паники ими создаются.

Укажем, что в вузах обычно существует порядок, что ежели подавший заявление кандидат в партию оказывается политически неподготовленным, ему по несколько раз отказывают в переводе с наказом «подучиться и притти снова». По материалам упомянутого выше обследования т. Дивеева было отказано в приеме 47% кандидатов, причем никто из них из партии не выбыл. Это способствует созданию отношения к приему в партию, как к сдаче вузовского зачета. Часть кандидатов начинает интересоваться политическими вопросами и почитать политическую литературу лишь ко времени подачи заявления о приеме в партию.

Но, действительно, наряду с углубленно работающими над собой товарищами, в вузах имеется большое количество кандидатов политически недостаточно грамотных, а иногда и малограмотных и к тому же над собой не работающих.

Не будем перечислять многочисленных анекдотов. Укажем только для примера, что на заседании бюро одной крупной вузовской ячейки одного из крупнейших вузов, где стоял вопрос о приеме в партию, из шести кандидатов вполне политически подготовленных оказалось только 2 (один из них научный работник—педагог). Остальные все выявили недостаточное знание текущих вопросов политической жизни и недостаточный интерес к газетам. Не знали они причин польско-литовского конфликта (это заседание бюро было в феврале 1928 года), плохо разбирались в причинах, тормозивших хлебозаготовки, не знали о локауте металлистов в Германии и прочее.

Лучше были подготовлены кандидаты по вопросам истории партии и по вопросам ленинизма. Но и здесь было достаточно путаницы— («за широкий рабочий съезд были экономисты», «у большевиков были разногласия по вопросам выборов в III думу» и пр.). Бюро ячейки, однако, большинством голосов всех перевело в члены партии.

К кандидатам вузовцам, при переводе в члены партии надо предъявлять повышенные требования: вузовец должен уметь пользоваться марксистским методом, в частности в области своей будущей специальности, должен знать основы марксизма и ленинизма, должен всегда быть в курсе основных вопросов политической жизни.

Сейчас этим абсолютно необходимым требованиям большинство кандидатов вузовцев не отвечает.

Некоторое влияние на недостаточное внимание к вопросам своего политического развития имеют более жесткие академические требования, предъявленные к вузовцам. Все студенты и в том числе кандидаты больше времени отдают учебе. Успеваемость кандидатов, пожалуй, выше, чем членов партии. Эту тягу к учебе необходимо поощрять, в частности следует также при переводе в члены партии расширять товарища так же и с точки зрения его успеваемости. Партии нужны члены, умеющие хорошо работать в области своей специаль-

ности. Несомненно, однако, что учеба должна быть согласована с работой над своим политическим ростом. Партийные ячейки должны кандидатам эту возможность роста обеспечить.

Сейчас в вузах кандидатский стаж не является школой для кандидата партии. Кандидат чувствует себя полноправным членом партии, забывая о необходимости углубленной работы над собой, часто голосует на собраниях наравне с членами партии и пр. Вузовские же ячейки над воспитанием кандидатов достаточно не работают.

Вовсе незачем организовывать какую-то особую работу с кандидатами, но постоянно проверять их общественную нагрузку под углом обеспечения им возможности роста на работе, а также всемерно заинтересовывать их вопросами теории марксизма и ленинизма совершенно необходимо.

В то же время ознакомление с вовлечением в общественную работу кандидатов сразу показывает, что дело это как следует не поставлено.

Ограничимся только двумя примерами (их число без труда можно увеличить): по Ленинградскому политехническому институту 48,1% всех кандидатов вовсе не несут общественной работы. По Ленинградскому университету таких товарищей—34,5% (освобождено от нагрузки по академической неуспеваемости только 1½%). Почти совсем не вовлекаются кандидаты во вневузовскую работу на фабриках и заводах, а между тем именно эта работа обеспечивает партийный рост, и на ней следует проверить принимаемого в партию.

Выше мы уже упоминали, что разговоры о недопущении всеми парткоммами перевода кандидатов в члены партии сильно преувеличены. Приведем факты, свидетельствующие об этом. По МВТУ за год переведено в члены партии 62 товарища, по Сельскохозяйственной академии—21, по Механическому институту им. Ломоносова—15.

Не верны также сведения о чрезмерной придирчивости приемных комиссий райкомов—там сидят рабочие с производства, выдержанные члены партии, в большинстве с хорошим чутьем, хорошо улавливающие, кого следует в партию принять.

Бывают случаи, когда парткомы на много месяцев затягивают рассмотрение заявлений о переводе в члены партии.

И то и другое несомненно неправильно. Парткомы обязаны по существу проверять каждого кандидата вузовца. Но большей частью сам кандидат не проявляет всей необходимой и возможной настойчивости для того, чтобы добиться ускорения рассмотрения своего заявления.

Задачи проверки кандидатского состава в связи со всем этим сводятся к следующему:

Отсеять имеющийся в вузовских ячейках среди кандидатов партии балласт—безнадежных кандидатов, не могущих быть полезными партии; подтолкнуть всех кандидатов к более углубленной работе над собой; добиться действительного использования кандидатского стажа в качестве школы для подготовки членов партии; привлечь внимание вузовских ячеек к этой задаче; ускорить перевод в члены партии достаточно выдержанных, подготовленных и проверенных кандидатов, в первую очередь из рабочих.

ПСИХОТЕХНИКА КОМПЛЕКТОВАНИЕ ^и ВУЗОВ

Вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что нынешняя форма комплектования вузов не имеет недостатков, хотя в общем она выдержала испытания в последние два года.

У нас нет под руками цифровых данных о количестве отсеивающегося в процессе вузовской учебы человеческого материала, но можно думать, что отсеив этот не так уж незначителен. Во всяком случае число лиц, оканчивающих вузы, всегда ниже количества поступающих. Сравнивая вузы с другими учебными заведениями, мы видим, что наименьший процент окончивших дают вузы... (см. об этом данные в вып. 3-м «Трудов статистического отделения», том XXVIII, под названием «Народное образование в СССР в 1925/26 уч. году», стр. 19 и 21). Вот некоторые сведения о числе поступивших и числе окончивших вузы на протяжении последних лет.

	Поступило в вузы	Окончило вузы
1924/25 уч. г.	11 145	8 946
1925/26	14 464	7 450
1926/27	13 866	5 655
1927/28	11 669	—

Подробные данные о числе учащихся в каждом вузе по СССР, о распределении их по курсам, о числе дипломантов и окончивших в 1925 г. можно найти в вышеуказанных трудах статистического отделения («Народное образование в СССР в 1925/26 уч. году», стр. 60—74, 1-я часть).

Нет никаких сомнений в том, что внесение элементов рационализации в дело подготовки квалифицированных специалистов должно начинаться со ступени, предшествующей поступлению в вуз. Необходимо прежде всего заняться изучением того человеческого материала, который ежегодно бурной струей вливается в наши вузы, пополняя целый ряд специальных факультетов, отделений, циклов. Изучение это следует проводить в первую очередь под углом зрения тех мотивов, которые побуждают готовящуюся к поступлению в вуз молодежь останавливать свой выбор на той или иной определенной специальности.

Мы не располагаем сейчас сколько-нибудь обширными и достоверными данными по этому вопросу. Но целый ряд фактов и наблюдений, отчасти добытых путем опроса и анкетирования, свидетельствует о том, что мотивы, побуждающие рабфаковца или подростка, оканчивающего школу, выбирать тот или иной вуз, крайне неопределенны и далеко не всегда базируются на учете собственных сил и способностей и весьма редко основаны на правильных представлениях о требованиях, предъявляемых различными вузами и факультетами, в частности—намечаемой специальностью.

Было бы ошибочно однако утверждать, что выбор факультета или вуза всецело определяется слепым случаем. Молодежь упорно стремится построить свой выбор на учете тех требований, которые каждой

специальностью предъявляются. Но в том-то и беда, что никаких более или менее точных сведений на этот счет почерпнуть неоткуда, и приходится довольствоваться самыми разноречивыми, а подчас просто неправильными и обывательскими представлениями о достоинствах и недостатках той или иной специальности. К тому же постоянно сюда примешиваются соображения о материальном обеспечении, ожидающем студента по окончании вуза, о безработице в той или другой области квалифицированного труда, об обязательствах, тяготеющих над оканчивающим тот или другой вуз (направление на работу в провинцию и т. п.), и о целом ряде то более, то менее важных обстоятельств, связанных с работой в данной специальности.

Довольно типичным образцом обычных размышлений собирающегося поступить в вуз юноши является отрывок из «Дневника Кости Рябцева» (см. «Новый мир», № 2 за 1928 г.). Отрывок этот крайне интересен, и мы приводим его полностью.

«Передо мною во весь рост стоит теперь вопрос о том, какой выбрать факультет. Сначала, конечно, придется поступить на тот факультет и в то отделение, где больше мест. Говорят, что оттуда можно будет перейти на другой в середине года или на второй год; но это надо проверить, потому что может получиться такая история, что поступишь, скажем, на физмат (а там больше всего вакансий), а потом и кончай по физмату, чего я совершенно не желаю: придется всю жизнь делать физические опыты или еще того хуже,—решать задачи. Есть еще «архизетис». В него входят отделения: историко-археологическое, этнофак и изобразительное. Мне этот архизетис не нравится, потому что на нем придется копаться в прошлом, а меня больше интересует настоящее. Да к кому ни пойдешь—хоть к тем же рабочим на Ванькиной фабрике—да спроси: как жили раньше? Не очень-то охотно рассказывают. Это только в очередях ругаются, что раньше в жизни лучше было и какой-то «при царе порядок» вспоминают. А рабочие больше интересуются, какая предстоит жизнь в будущем, как ее устроить в общегосударственном масштабе или в маленьком масштабе каждого отдельного рабочего. Я много об этом разговаривал с рабочими. Даже сезонники и те больше меня спрашивали:—а что дальше, паря, будет? Помоему, на архизетисе этого не узнаешь. Вот почему я против архизетиса.

Потом, кроме медфака, на который я итти не хочу, потому что не чувствую в себе признания к докторской работе (скажите «а», вздохните, сядьте, покажите ваши испражнения), есть еще лито и совправо. На факультете советского права есть разные отделения, в том числе судебное, административное, хозяйственное и международники. Значит, можно быть народным судьей, председателем или секретарем совета. Самое интересное, конечно, быть дикпурьером, но здесь вступает в силу пролетарская диктатура. Нужно делать не то, что тебе индивидуально интересно (ведь я могу объявить, что мне интереснее всего валяться целыми днями на кровати или сидеть с утра до вечера в кино), а то, что необходимо в этот тяжелый переходный момент пролетарской республики. Значит, занимать нужно то место, на котором можно больше всего принести пользы, хотя индивидуально это место тебе не интересно и даже противно.

Тут я должен окончательно себя проверить, чтобы сделать вывод. Если бы у нас во 2-й ступени были шкрабы получше, то я и не сомневался бы. Но дело в том, что опыт мой с форпостом показал,

что я с ребятами управляюсь гораздо лучше, чем наши шкрабы. В первых, ребята меня слушаются и охотно и даже с восторгом делают то, что я им скажу. В вторых, даже ячейка отметила наш форпост как один из лучших. В третьих, обращаясь с ребятами, я сам убедился, что настоящее правильное пролетарское воспитание может дать только современный человек, а не отживший, как большинство шкрабов, интеллигент. Уж на что Никпетож—и он в этом в своей речи признался. Кроме того современный учитель должен знать очень хорошо политграмоту и китайские события, чтобы на каждый вопрос ребенка сейчас же ответить. А я почти наизусть знаю Бердникова-Светлова, да и Коваленко тоже не плохо. А из наших шкрабов в китайских событиях не разбирался никто. В политграмоте тоже были, как в потемках, потому что я раз спросил учительницу пения Людовику Карловну: кто у нас, повашему, правительство? А она на это ответила:— большевики. И сколько раз я ей ни пытался втолковать, что такое ВЦИК и Совнарком, она только смеялась. Вот почему нельзя доверять воспитание и образование смены таким людям. Вот поэтому я решил быть учителем. (Я думаю, что к тому времени, как я окончу вуз, названия «шкрабы» уже больше не будет.) Но тут встает вопрос: учителем чего? т. е. по какой специальности? Я долго над этим ломал голову и в конце концов пришел к такому заключению, что лучше всего мне быть обществоведом. А для этого нужно знать литературу. Вот почему я решил итти на лито».

Здесь мы видим сравнительно вдумчивый подход к вопросу о выборе профессии. Такой случай все же редок.

Но нельзя сказать, чтобы поступающими в вуз в большинстве случаев не делались попытки к учету общего уровня и специфического характера собственных способностей. Однако у каждого подростка представления о своих задатках и способностях далеко не всегда ясные. Приходится сталкиваться с целым рядом случаев, когда подросток, обуреваемый целым рядом стремлений и склонностей, совершенно теряется в оценке своих сил и возможностей. Но даже тогда, когда эти возможности достаточно хорошо осознаются, правильный выбор профессии наталкивается на целый ряд затруднений, источник которых в том, что у поступающего в вуз нет путей для отыскания таких видов деятельности, для которых можно было бы с наибольшей пользой применить определенные способности.

Но если даже допустить, что мотивы, побуждающие молодежь устремляться по тем или иным специальным руслам высшего образования, в достаточной мере основательны; если предположить даже, что каждая специальность рисуется подростку, выбирающему вуз, в более или менее ясных и точных очертаниях, то остается в силе еще одно важное обстоятельство, препятствующее рациональному комплектованию наших вузов. Это обстоятельство непосредственно связано с самим характером поступления в наши вузы, в частности с теми преградами, которые для этого надо преодолеть.

Совершенно понятно, что практикующаяся у нас система экзаменов далеко не полностью обеспечивает вузы наиболее полноценным студенчеством в смысле способностей и трудовых навыков, в частности навыков к интеллектуальной работе. Те чисто формальные требования, которые предъявляются претенденту на тот или иной факультет, и те приемы, с помощью которых оцениваются знания и отчасти навыки, рассматриваемые экзаменаторами как показатели того, в какой

мере экзаменуемый удовлетворяет этим требованиям,—дают крайне поверхностное представление о поступающих в вуз. Данные о последующей работе принятых в вузы студентов, факт частых переходов с одного факультета на другой и, наконец, немалый процент утечки студентов,—все это свидетельствует о том, что предварительный отбор в вузы, практикующийся у нас сейчас, не может нас полностью удовлетворить.

Все сказанное неизбежно приводит к мысли о необходимости вмешательства науки в дело подбора студентов в вузы. Идея подобного вмешательства для нас не представляется новой, потому что в области целого ряда индустриальных профессий, школ фабрично-заводского ученичества, некоторых опасных профессий (преимущественно транспортных) уже в течение нескольких лет осуществляется у нас научный профессиональный подбор. Думается, что сейчас вполне своевременно поставить этот вопрос по отношению к отбору учащихся в высшие учебные заведения.

Нужно ли говорить, что высшее образование не в меньшей мере нуждается в перспективном плане, чем все другие отрасли хозяйства? Для того чтобы отдельные хозяйственные участки бесперебойно снабжались специалистами различных категорий, необходимо заранее попытаться рассчитать, сколько и каких специалистов потребуется в ближайшие годы.

К сожалению, имеющиеся сейчас по этому вопросу данные не дают нам возможности привести точных цифровых данных о потребностях в высококвалифицированных работниках различных специальностей в ближайшие пять лет. Сколько нам известно, имеющиеся на этот счет материалы в Госплане, в ЦСУ, в Наркомтруде и других учреждениях являются весьма ориентировочными и не опираются на сколько-нибудь точном учете всех факторов, от которых зависит потребность в рабочей силе.

Вот таблица, характеризующая пополнение отдельных отраслей народного хозяйства лицами, оканчивающими различные учебные заведения (см. «Народное образование в СССР в 1925/26 г.», стр. 22).

Отрасли	Общее число окончивших	% окончивш. по типам учр. (100—число оконч. по спец.)					% оконч. по отдельн. специальностям (100—число оконч. по спец.)					
		Вузы	Техникумы	Низш. учебн. завед.	Проф-курсы	Проф-уклоны	Вузы	Техникумы	Низш. учебн. завед.	Проф-курсы	Проф-уклоны	Общее число оконч.
Всего	100	12,1	15,8	20,2	23,7	28,2	100	100	100	100	100	100
Инд.-технич. . .	100	6,9	9,7	55,8	19,3	8,3	16,3	17,5	78,8	23,3	8,4	28,6
Сельскохоз. . .	100	16,1	24,7	26,8	11,9	20,5	13,4	15,6	13,2	5,0	7,3	10,0
Соц.-эконом. . .	100	5,2	4,5	2,4	42,1	45,8	14,7	9,8	4,1	60,8	55,5	34,2
Медицинск. . .	100	48,4	25,4	3,2	22,5	0,5	35,0	14,1	1,4	8,3	0,2	8,7
Педагогич. . .	100	5,8	39,3	—	2,1	52,8	7,1	37,4	—	1,3	28,0	15,0
Худ.-музык. и театр.	100	7,9	42,9	25,1	15,3	8,8	1,3	5,6	2,5	1,3	0,6	2,0
Прочие	100	100	—	—	—	—	12,2	—	—	—	—	1,5

Всего по различным вузам учащихся в 1923/24 г. было 204 795; в 1924/25 г.—165 351; в 1925/26 г.—162 574. По отдельным специальностям распределение таково (берем данные за 1925/26 уч. г.):

1. Университеты	54 979	— 33,8%
2. Инд.-техн. вузы	39 328	— 24,2%
3. Сельскохоз. вузы	22 523	— 13,9%
4. Соц.-экономич.	7 886	— 4,9%
5. Медицинск.	14 219	— 8,7%
6. Педагогич.	17 609	— 10,8%
7. Худож.	6 030	— 3,7%

Однако можно смело утверждать, что общая тенденция развития нашего народного хозяйства должна способствовать на ближайшие годы весьма повышенному спросу на большую часть тех специалистов, которых готовят наши вузы. В первую очередь это относится к специальностям индустриально-технического образования. Но даже те специальности, которые сейчас довольно заметно пополняют кадры безработных (например педагоги, врачи) не могут рассматриваться как специальности, на которые имеется пониженный спрос. Безработица, будучи сама по себе крайне сложным и зависящим от целого ряда социально-экономических факторов явлением, создает иногда крайне парадоксальные ситуации: повышенный спрос сопровождается иногда повышенной безработицей. Наша страна нуждается в педагогах сильнее, чем когда бы то ни было. Однако невозможность поднять заработную плату просвещенца на достаточно удовлетворительный уровень, неблагоприятные условия работы в провинции и целый ряд других причин создают подобные парадоксальные ситуации, когда наряду с обилием безработных растет спрос на соответствующих работников.

Для того чтобы можно было судить о своевременности и правомерности вмешательства науки (речь идет, разумеется, о психотехнике) в работу Главпрофобра по комплектованию вузовского состава, представляется необходимым осветить хотя бы в самых общих чертах современное состояние психотехнической науки, в частности применяемые ею методы оценки человеческих способностей.

В процессе развития и дифференцирования современной психотехнической науки область профессионального подбора выделилась как специальная область знаний, как особая наука. В настоящее время она составляет одну из важнейших глав психотехники.

Разрешение проблемы профессионального подбора может мыслиться в двух направлениях,—в направлении отбора наиболее пригодных для той или иной профессии кандидатов (профессиональный отбор) и в направлении подыскания для каждого отдельного человека профессий, наиболее соответствующих его психофизиологической структуре, его склонностям, интересам и способностям (профессиональная консультация).

Обе эти задачи, будучи неравноценными как в научно-методологическом, так и в социальном отношении, могут получить свое разрешение лишь на основе двух предпосылок: 1) наличия научных данных о психофизиологических особенностях каждой профессии, 2) наличия методов для диагностики человеческой одаренности со стороны количественной и всего многообразия ее форм.

Совокупность знаний, относящихся к психофизиологической характеристике отдельных профессий и освещающих вопрос о требованиях, предъявляемых каждой из них психофизическому аппарату

человека, образует особую ветвь в науке о профессиональном подборе. Эта ветвь называется профессиографией или профессиологией.

Совокупность методов, применяющихся для качественной и количественной оценки различных способностей человека, вместе со всеми относящимися сюда теоретическими и методологическими вопросами, называется психодиагностикой или психометрией. Называется также и тестологией, так как основным методом психотехнических испытаний одаренности или профпригодности является тест. Тест представляет собой испытательный эксперимент, носящий характер задания, по результату выполнения которого судят о степени развития определенной психофизической функции у представителей какого-нибудь коллектива и об индивидуальных различиях между ними.

Несколько слов о современном состоянии науки о профессиональном подборе.

В профессиографии наиболее тщательно и полно разработаны психофизиологические характеристики (профессиограммы) средних профессий. Есть уже целый ряд попыток построения психофизиологической классификации профессий.

Что касается так называемых высших профессий (врач, агроном, педагог, администратор, журналист, инженер и пр.), то они изучены еще крайне неполно. Причина этого в затруднениях чисто методологического порядка. Все же уже и сейчас есть возможность проводить различия между отдельными высшими профессиями, кладя в основу этих различий те требования, которые предъявляются ими как к общеинтеллектуальным функциям, так и к целому ряду специальных способностей.

В области психодиагностики наиболее хорошо изучены и проработаны методы, направленные на оценку так называемого вербального, или словесного интеллекта (функций суждения, логического мышления, комбинаторной деятельности, ориентировки в новых ситуациях, находчивости, сообразительности и т. д.). Для оценки пригодности к работе в вузе, безотносительно к специальности, эти методы могут быть с пользой применены.

Что касается оценки пригодности к ряду специальных вузовских профессий, то наряду с испытаниями общего интеллекта возможно применять с успехом целый ряд методов, испытывающих технический интеллект, пространственное представление, функции восприятия (сенсорный аппарат) и др. Применительно к испытанию пригодности к техническим специальностям использование этих методов представляется наиболее целесообразным.

Нам кажется, что все изложенное в этой статье толкает нас на следующие выводы:

1) Для того, чтобы реально осуществить намеченный пятилеткой план развития нашего народного хозяйства, необходимо со всей серьезностью поставить вопрос о внесении большего планового начала в дело народного образования, в частности высшего образования. Правильное комплектование наших вузов является одним из основных условий для обеспечения народного хозяйства полноценными специалистами.

2) Практикующиеся сейчас пути и приемы пополнения наших вузов с указанной точки зрения не удовлетворительны. Об этом свидетельствует целый ряд цифровых данных, которые приводились выше.

3) Своевременно поставить вопрос о применении психотехнических испытаний наряду с другими способами отбора как при поступлении в вузы, так и на предшествующих вузам ступенях образования.

4) Современное состояние психотехнической науки позволяет рассчитывать в первую очередь на возможность оценки общепсихотехнических способностей лиц, направляющихся в вузы. Применение психотехнических испытаний, вскрывающих общепсихотехнические возможности поступающих в вузы, может оказаться полезным в негативном смысле, т. е. для отсеивания интеллектуально неполноценных субъектов, для которых вузовская нагрузка в области любой специальности оказалась бы не под силу и неизбежно рано или поздно повлекла бы за собой уход из вуза.

5) Вместе с тем можно считать до известной степени научно разработанным также и целый ряд методов психотехнической оценки некоторых специальных русел одаренности. Наиболее теоретически ясными и практически оправдавшими себя являются, как нам представляется, методы испытания так называемой технической одаренности. Целесообразно использовать эти методы для комплектования индустриально-технических вузов наряду с методами испытания общего интеллекта.

6) Для того, чтобы реализовать применение психотехники при поступлении в вузы, необходимо особенно тщательно разработать не только научную, но и организационную сторону этого вопроса. Инициативу здесь должен проявить Главпрофобр, привлекая соответствующие научные учреждения и заинтересованные ведомства.

Известная точка зрения на этот вопрос в Главпрофобре, повидимому, имеется. Так, на запрос по этому поводу со стороны редакции журнала «Красное студенчество» Отдел рабфаков Главпрофобра весьма осторожно пишет¹: «... Современное состояние психотехнического исследования одаренности и профессиональной пригодности позволяет придать выбору профессии известную объективность...» Несколько дальше мы находим следующие строки: «... Отдел рабфаков пока еще не располагает материалами произведенных обследований (речь идет о психотехнических испытаниях на некоторых рабфаках.—С. Г.) и поэтому не может высказаться по вопросу об их результативности. Можно только предположить, что в Москве и Ленинграде, где есть психотехнические институты и лаборатории, такого рода обследования, в меру достигнутых в науке результатов, могут оказаться полезным подсобным средством при решении вопроса о выборе вуза и факультета».

В заключение приведу отрывки из письма одного рабфаковца в редакцию журнала «Красное студенчество». В этом письме, озаглавленном «Психотехнику на помощь рабфаковцу»,— есть целый ряд весьма поучительных соображений. Это письмо свидетельствует о том, что в среде наших учащихся на предвузовской ступени вопрос о выборе вуза стоит крайне остро. Вот что пишет этот рабфаковец т. В. Павлов:

«Колесания в выборе вуза или втуза есть у многих рабфаковцев, ведь очень трудно определить самому свои способности в той или иной области науки, свою наибольшую полезность для общества.

— Я пойду,—говорит один,—на механический, а не понравится или трудно будет, переберусь в электротехнический вуз.

— А я пойду в Плехановский на экономический факультет или в Менделеевский—на химико-технологический,—рассуждает второй.

Среди рабфаковцев есть будущие хорошие и математики, и физики, и экономисты, и врачи, и агрономы, и педагоги и др. Только нужно во время учебы на рабфаке заняться более полным выявлением

¹ Отношение Главпрофобра за № 32041 от 16/III 1928 г.

каждого из них: и его способностей, и его желания работать в той или иной отрасли.

Ведь переход из вуза в вуз сопряжен с большими трудностями,— нужно затратить массу времени только для того, чтобы можно было перевестись в другой вуз, нужно изменить старую студенческую обстановку, жилищные условия. Лишняя работа ложится на правления вузов и на студенческие организации. Кроме всего переход подрывает и бюджет как студента, так и государства.

Помосму, нужно:

1. Педагогам зорко присматриваться к каждому студенту, но и студенческим организациям (особенно группировкам и др.) обратить внимание на активность, общее развитие и успеваемость студента.

2. В рабфаках создать консультации по психотехнике. Освещать, хотя бы на общих студенческих собраниях, вопросы о выборе той или иной отрасли науки после окончания рабфаковцем курса.

3. Освещать вопросы по психотехнике регулярно и полно в печати, особенно в журнале «Красное студенчество».

4. И, наконец, президиумам и студенческим проф- и академ-организациям рабфаков серьезно подумать над вопросом психотехнического анализа студента».

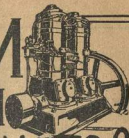
От редакции: Новый прием в вузы в текущем году, в связи с усилением внимания широкой общественности к делу подготовки специалистов, приобретает исключительное значение в работе студорганizations. Прием 1927/28 года показал значительное улучшение в комплектовании вузов: увеличился процент принятых в вузы рабочих и крестьян, причем это улучшение социального состава достигнуто было в общем без снижения уровня учебной подготовки поступающих. Вместе с тем необходимо отметить, что студорганizations и другие заинтересованные органы должны в предстоящем учебном году добиваться дальнейшего увеличения процента рабочих и крестьян (особенно бедняков) в составе принимаемых в вузы.

Редакция «Красного студенчества» отмечает также, что до сего времени профессиональные организации и хозорганы (ВСНХ и др.) серьезно не занимались вопросами комплектования вузов. ЦК союзов и губотделы, ВСНХ и его органы должны в комплектовании вузов в этом году принять самое близкое и активное участие.

Одновременно редакция «Красного студенчества» отмечает, что масса пролетариев и крестьян (их дети в том числе), стучась в двери высшей школы, часто не могут самостоятельно определить подходящий себе вуз и факультет. Главпрофобр и другие организации почти ничего не делают, чтобы выбор вуза и факультета организовать на основе последних достижений психотехники. Поступающие в редакцию письма рабфаковцев настоятельно выдвигают эту проблему перед нами. Редакция, помещая статью тов. С. Г. Геллерштейна, ассистента Психотехнической лаборатории ИОТ, запрашивает Главпрофобры всех республик и отдел профтехнического образования ВСНХ,—что ими делается, чтобы рабоче-крестьянская молодежь обучалась в том вузе и на том факультете, который больше всего соответствует ее способностям. Сотни и тысячи рабочих и крестьян ждут ответа.

Редакция со своей стороны организовала специальное бюро помощи поступающим.

НЕДОСТАТКИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

(К докладу ЦБ Пролетстуда на президиуме ВЦСПС.)

Реконструкция народного хозяйства на высшей технической базе потребует значительных кадров специалистов, подготовка которых возложена на профессионально-технические учебные заведения (вузы, техникумы). Выпускаемые из них специалисты должны обладать достаточной квалификацией, чтобы иметь возможность принять активное участие в строительстве народного хозяйства.

Это положение целиком вытекает из директивы XV Партсъезда: «... Необходимо приложить все усилия к улучшению технического и агрономического образования и наибоьстройшей подготовке кадров таких квалифицированных и научных сил, которые, стоя на уровне мировой науки и техники, были бы активными участниками социалистического строительства».

Нужно поставить вопрос: имеются ли все необходимые предпосылки для выполнения директивы партии?

ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ ПРОФТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Партия, профсоюзы в течение ряда лет проводили большую работу, связанную с пролетаризацией высшей школы. До 1926/27 уч. г. комплектование вузов проводилось по разверстке, т. е. определенное количество мест твердо бронировалось за командирующими организациями. Начиная с 1926/27 уч. г., была установлена новая система комплектования учебных заведений, при которой все желающие поступить в учебные заведения подвергаются испытаниям и уже из числа выдержавших проводится отбор по классовому признаку, т. е. в первую очередь зачисляются рабочие и их дети, крестьяне и т. д. Первый год проведения этой системы дал некоторое ухудшение классового состава принятых. Благодаря своевременным мерам в текущем учебном году классовый состав принятых в вузы несколько улучшился по сравнению с прошлым годом.

Г О Д Ы	Всего принято	Социальный состав					Партийный состав		Окончивших рабфак
		Рабочих	Детей рабоч.	Крестьян	Детей кре- стьян	Служ. и их детей	Членов ВКП (б)	Членов ВЛКСМ	
1923/24	32 003	25,0			25,0	50,0			14,9
1924/25	15 280	23,7	11,6	10,9	18,5	22,9	13,7	14,7	43,3
1925/26	19 257	21,4	11,1	10,5	18,5	27,1	22,8	25,8	38,5
1926/27	20 361	18,4	10,3	6,2	16,0	33,6	25,3	29,6	28,3
1927/28	19 510	21,5	18,1	8,8	15,5	25,0	22,0	32,1	26,3

Точно так же следует отметить улучшение классового состава принятых в 1927/28 г. в техникумы РСФСР:

Г О Д Ы	Социальный состав				Партийный состав		
	рабочих и их детей	крестьян и их детей	служ. и их детей	Прочих	ВКП (б)	ВЛКСМ	Бес- парг.
1926	21,8	37,1	30,8	10,3	2,0	34,2	63,8
1927	22,7	40,5	30,6	6,2	1,9	30,1	68,0

Анализ данных приема в 1927/28 уч. г. позволяет сделать ряд выводов: 1) подготовка поступающих в учебные заведения продолжает оставаться невысокой; 2) главным каналом, по которому идет приток в вузы взрослых рабочих, являются рабочие факультеты; 3) основные кадры поступающих в вузы складываются из окончивших школы II ступени.

Отмечая необходимость дальнейшей пролетаризации профтехнической школы, необходимо, помимо улучшения постановки учебного дела на рабфаках, обратить внимание на материальное обеспечение пролетарской части учащихся школ II ступени, установив стипендии для детей рабочих и крестьян, обучающихся в старших группах.

О ПЛАНЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

В пятилетнем плане народного хозяйства РСФСР потребность и удовлетворение в квалифицированной рабочей силе запроектированы в следующем виде:

1. Средняя квалифицированная сила.

Специальность	Потребность	Удовлетвор.	% удовлетв.
Индустриально-техническая.	27 885	23 700	90
Сельскохозяйственная . . .	16 266	16 000	98,5
Социально-экономическая . .	25 000	24 000	96
Педагогическая	85 019	38 000	44
Медицинская	35 000	18 345	51
Художественная	12 000	10 440	84

2. Высшая квалифицированная сила.

Специальность	Потребность	Удовлетвор.	% удовлетв.
Индустриально-техническая.	17 644	20 000	св. 100
Сельскохозяйственная . . .	15 326	15 000	98
Социально-экономическая . .	11 208	10 200	100
Педагогическая	24 956	12 500	50
Художественная	3 000	3 170	св. 100

Конечно, намеченные цифры потребности и удовлетворения квалифицированной рабочей силой ни в коем случае не могут служить планом, на основе которого может быть построено дело подготовки специалистов, так как при рассмотрении вопроса о количестве потребных специалистов по отдельным отраслям промышленности и выпуска из индустриально-технических вузов мы видим, что процент удовлетворения заявок не выше 100, как это зафиксировано в приводимых цифрах, но ниже 100 (в среднем).

Но даже из этих, по нашему мнению, весьма приближенных цифр можно сделать выводы: 1) общая потребность народного хозяйства в специалистах как высшей, так и средней квалификации в значительном проценте не покрывается выпуском из учебных заведений, 2) заметна диспропорция между выпуском специалистов средней и высшей квалификации (1:1,7).

Здесь необходимо указать, что составление плана тормозится тем, что до сего времени мы еще не имеем плана развития народного хозяйства по крайней мере на 10 лет, а строить план подготовки специалистов на годовых планах народного хозяйства невозможно. Совершенно невозможно также сейчас сказать, насколько удовлетворены специалистами хотя бы отдельные отрасли промышленности. Таким образом плана подготовки специалистов, составленного на учете запросов народного хозяйства,—нет.

СЕТЬ ВУЗОВ И ИХ СТРУКТУРА

Отсутствие общего плана подготовки специалистов помимо установления контингента обучающихся не дает возможности провести другую, очень важную работу: установление сети учебных заведений и специальностей в них. Сеть вузов к настоящему времени нельзя признать совершенной. В значительной степени она составлена из вузов старой дореволюционной России, а вузы, возникшие после революции, точно так же, как и старые, строились без всякого плана.

Это приводит к положению, когда в пределах даже одного и того же города готовят специалистов по одной и той же специальности, например: 1) строители—МВТУ и МИИТ, Вхутени (Москва), ЛИИПС, ЛПИ, ЛИГИ (Ленинград); 2) текстильщики—МВТУ, Текстильный институт, Институт народного хозяйства (Москва); 3) Сельскохозяйственное машиностроение—Ломоносовский институт, ТСХА (Москва); 4) педагоги—институт им. Либкнехта, педфак 2 МГУ, Институт политпросветработы, Академия коммунистического воспитания (Москва); 5) электрики—МВТУ, Институт народного хозяйства (Москва); 6) металлургии—ЛПИ, ЛГИ, Ленинградский технологический институт и Ленинградский электротехнический институт (Ленинград) и т. д.

Есть и еще более вопиющие ненормальности: в одном вузе на двух разных факультетах готовят инженеров по одной и той же специальности; а именно—трактористы готовятся в Ленинградском политехническом институте на факультетах механическом и индустриального земледелия.

Нерациональное построение сети вузов не дает возможности рационально использовать средства, отпускаемые на вузы. Укрупнение специальностей в вузах путем слияния, кроме экономии средств и лучшего использования оборудования и профессорско-преподавательского состава, ничего больше не вызовет.

Бессистемность в построении сети вузов усугубляется еще и не-

рациональной, по нашему мнению, структурой вузов. Можно отметить в сети вузов две формы организации таковых: 1) вузы с очерченной общей целевой установкой, к числу которых следует отнести, например: Текстильный институт, Горную академию, Горный институт, Промышленно-экономический институт, педвузы, и 2) вузы политехнического типа и университеты: Ленинградский политехнический институт, Институт народного хозяйства имени Плеханова, Тимирязевская сельскохозяйственная академия, I МГУ.

Второй тип вуза вряд ли является приемлемым типом в наших условиях, так как большое наличие факультетов с весьма разнообразными установками не дает возможности вузу в целом концентрировать внимание на определенном круге вопросов. Управление такими вузами также крайне затруднительно.

Трудно, например, согласовать работу отдельных факультетов и управлять таким вузом, как Нижегородский университет, имеющий в своем составе факультеты: 1) агрономический, 2) механический, 3) педагогический, 4) химический и 5) медицинский. То же самое можно отнести полностью и к таким вузам, как I МГУ, ТСХА и ряду других.

Мы не думаем, что нужно, начиная с завтрашнего дня, приступить к ломке всей сети вузов, но мы думаем, что одно абсолютно необходимо—это наметить план (генеральный) строительства вузов (определив при этом тип вуза) и, исходя из этого плана, приступить к планомерному упорядочению сети и структуры вузов.

О ТИПЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

До сих пор по этому важному вопросу нет договоренности между Наркомпросом и ВСНХ, между тем как установление типа специалиста, выпускаемого для промышленности, имеет в работе также решающее значение.

Совещание по профтехническому образованию, созванное ВСНХ СССР, высказалось за подготовку в вузах специалистов двух категорий—«широких» и «узких» инженеров—для нужд промышленности. Со стороны же отдельных крупных организаций (хозяйственных) предъявлено требование лишь на «широких» инженеров.

Система профтехнического образования на Украине предусматривает выпуск «широких» и «узких» инженеров, тогда как система образования в РСФСР предусматривает выпуск «широких» инженеров и техников.

Учитывая, что инженер без солидной физико-математической и общинженерной подготовки в период реконструкции народного хозяйства вряд ли найдет широкое применение, нужно на ближайшее время оставить систему профобразования РСФСР. Нужно заметить, что ряд вузов РСФСР уже сейчас выпускает инженеров, подготовленных к работе по определенной специальности, например: 1) металлургии выпускаются по специальным специальностям: цветники,ковка и штамповка, прокатка, электрометаллургия, кузнечное дело, термическая обработка металлов; 2) теплотехники: теплосиловые установки, паровые двигатели, холодильное дело, стационарные двигатели, паровозы, автомобили и тракторы, авиационные двигатели; 3) текстильщики: хлопкопрядение, льнопрядение, шерстопрядение, шелкопрядение, ткачество и т. п. Более мелкое дробление специализаций следует считать нецелесообразным.

Этого, однако, нет во всех вузах,—например, в Московской горной академии готовятся инженеры по специальностям: прокатка, терми-

ческая обработка, электроплавка, а кроме того в этой же Горной академии и во всех остальных вузах, имеющих металлургические факультеты, готовятся инженеры по такой специальности, как металлургия черных металлов. Этот термин требует расшифровки. Нельзя выпускать инженера по черной металлургии «вообще», нужно сказать: или это доменщик, или мартеновщик, или прокатчик и т. п.

КАЧЕСТВО ВЫПУСКАЕМЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

По отзывам работников высшей школы и хозорганов как будто бы можно считать, что качество выпускаемых специалистов уже в прошлом учебном году достигло довоенного уровня. Нужно заметить, что ответ на этот вопрос можно будет дать лишь только после тщательного изучения работы молодых специалистов в производстве, чего до сих пор еще не сделано.

СВЯЗЬ ШКОЛЫ С ПРОИЗВОДСТВОМ

Необходимо отметить еще один большой недостаток в работе школы—это отсутствие связи с производством. Если эта связь и установлена отдельными вузами, то она не носит планомерного характера. Повинны в этом и сами вузы. В отдельных случаях вузы невнимательно относятся к разработке тех проблем, которые стоят перед той или иной отраслью народного хозяйства. В отдельных случаях хозорганы также проявляют невнимательное отношение к вузам.

Студенческий кружок ЛПИ проводил работу по организации электротехнического музея и обратился к ряду наших трестов и зарубежных фирм с просьбой выслать образцы своих изделий. И что же? От ряда зарубежных фирм были получены приборы новейших конструкций бесплатно, а от ряда наших трестов получен ответ, что у них имеется ряд негодных приборов, которые они могут продать кружку, как лом. На обращение Ленинградского технологического института с просьбой дать образцы стали Путиловский завод ответил, что он может эти образцы отпустить лишь за деньги. За границей же, как правило, заводы свои новые машины ставят в лаборатории вузов, где на них обучаются студенты. У нас же таких случаев еще не наблюдалось.

Только тесная увязка работы вузов и техникумов с хозорганами может обеспечить успех в работе по подготовке специалистов. Помимо установления тесной связи между вузами и предприятиями необходимо установить большую согласованность и в работе центральных органов, как, например, ГПФ и ВСНХ, чего в достаточной степени в настоящее время не наблюдается.

ПОЧЕМУ ВУЗЫ НЕ МОГУТ ВЫПУСТИТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ, СТОЯЩИХ „НА УРОВНЕ МИРОВОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ“

К числу недочетов, от которых значительно страдает дело подготовки специалистов, кроме перечисленных выше, следует отнести: недостаточность ассигнований на профессионально-техническое образование. Это положение обуславливает весь ход работы школы, благодаря этому положению ряд намечаемых мероприятий не осуществляется.

а) Методы преподавания. За последний ряд лет органами Наркомпроса проведена большая работа по введению новых (активных) методов преподавания. Эти методы преподавания дают возможность студенту активно прорабатывать материал в процессе прохождения курса и поэтому встречают поддержку со стороны студенчества и большей части профессуры; но проведение этих методов требует больших ассигнований на учебные расходы, так как связано с увеличением часов на практические работы, уменьшением количества занимающихся в группах, семинариях, между тем как расход на одного студента по сравнению с 1913 г., например, по вузам РСФСР уменьшен примерно в 2 раза.

И на основании уже только этого можно сделать вывод, что проведение новых методов преподавания в большинстве вузов осталось лишь только декларацией, и преподавание не отличается от преподавания в старой дореволюционной школе. Нужно еще отметить, что в последнее время РКИ подвергает обсуждению вопрос об увеличении установленного контингента занимающихся в группах.

б) Оборудование вузов. Если преподавание в школах идет по старым методам, то еще большая беда заключается в том, что оно идет и при наличии старого оборудования вузов. Даже больше,—большинство вузов не имеет и того оборудования, которое они имели до революции. (Оборудование Варшавского политехнического института распределено между несколькими вузами: Нижегородский университет, Иваново-Вознесенский политехнический институт, Московская горная академия.) За время войны и революции оборудование вузов пополнилось в весьма ограниченных размерах, и совершенно почти отсутствовал ввоз оборудования из-за границы.

Студенты обучаются на приборах, которые давно уже не имеют применения в промышленности, а кроме того и этого оборудования недостаточно для планомерного проведения обучения групп студентов. Лаборатории ряда вузов не могут пропустить всех студентов. Образуются «пробки», устанавливаются очереди. На физмате I МГУ очередь на качественный анализ установлена приблизительно на год. Очередь на органическую химию будет ликвидирована не раньше 1932 г.¹

Кроме этого в ряде вузов в целях изыскания средств имеющиеся лаборатории и мастерские заняты деятельностью «коммерческого порядка» и выполняют заказы различных организаций. Выполнением этих заказов иногда настолько загружены эти мастерские, что не остается времени для постановки в них практических работ студентов.

Процветает метод ознакомления студентов с приборами и аппаратами «по картинкам». Помимо этого лаборатории находятся в таком состоянии, что иногда невозможно даже вести в них работу; так, в том же I МГУ в лаборатории качественного анализа медные и серебряные вещи чернеют в один день, и в этой атмосфере вынуждены вести работу студенты.

Ассигнования на оборудование вузов, например, в РСФСР явно недостаточны, а кроме того замечается еще тенденция снижения ассигнований на оборудование:

Годы	Ассигнован.	В %
1925/26	4 252 600	100 %
1926/27	4 956 550	116 %
1927/28	4 800 000	113 %

¹ Кризис химического отделения. В. Почтаев, Первый университет, № 5/10.

Нужно отметить, что эти ассигнования ни в коей мере не могут разрешить основной проблемы—переоборудования вузов и техникумов, а между тем это насущная потребность. В ближайшее время должен быть разработан план переоборудования вузов и техникумов (плана до сих пор нет), и необходимо отпустить средства для выполнения этого плана.

в) Библиотеки и учебники. Точно так же, как оборудование, и библиотеки вузов за послереволюционный период почти не пополнялись специальной литературой. Весьма остро стоит вопрос о пополнении библиотек вузов учебниками для студентов. Нужно заметить, что по госбюджету на эту статью расходов средства не отпускались совершенно. Это привело к тому, что студентам по целым месяцам приходится ждать в очереди получения нужного учебника из библиотеки вуза. В Воронежском государственном университете на 300 с лишним студентов 5-го курса медфака в библиотеке имеется учебников:

Нервные болезни	7 экз.	Кожные болезни	10 экз.
Психиатрия	8 "	Терапия	6 "
Детские болезни	9 "	Глазные болезни	4 "
Женские	7 "	Хирургия	2 "
Судебная медицина	3 "	Социальная гигиена	4 "

Это ненормальное положение усугубляется еще тем, что студенчество не может покупать учебников за свой счет ввиду их дороговизны. Дело издания учебников вообще поставлено плохо: и Госиздат, и Гостехиздат не выпускают нужных учебников. Этот пробел, правда, пополняется частными издательствами, но цены этих издательств совершенно непосильны нашему студенчеству.

г) Профессорско-преподавательский персонал. Сказать, что вузы и техникумы обеспечены полностью кадрами профессорско-преподавательского персонала, в сущности, нельзя. Имеется ряд вузов, где преподавание не обеспечено профессорами надлежащей квалификации, так что задача создания кадров квалифицированных профессоров и преподавателей должна быть поставлена в число первоочередных. Выработался тип «профессоров-железнодорожников». Нам известны случаи, когда один и тот же профессор читает курсы в Москве и Н.-Новгороде, Москве и Ленинграде, Ташкенте и Москве, Томске и Свердловске. Основные профессора Тверского педагогического института живут в Москве и Ленинграде и совмещают свою работу в Москве и в Твери. Кроме этого наличные кадры профессуры из-за плохой материальной обеспеченности в вузах принимают слабое участие в учебной жизни. Работу в вузах ряд профессоров ограничивает исключительно чтением лекций и приемом зачетов, в лучшем случае; остальное же время идет у них на работу по совместительству в хозяйствах и других вузах.

д) Производственная практика. Недостаточность оборудования вузов, неудовлетворительная постановка преподавания в значительной степени должна была быть восполнена организацией производственной практики студентов. Несмотря на то, что производственная практика проводится в течение уже ряда лет, постановку ее следует признать ненормальной. Впервые, ежегодно значительный процент студенчества не имеет возможности получить производственную практику. Так, например, в 1926 г. коэффициент удовлетворения студенчества практикой был:

Индустриально-технической	68%
Сельскохозяйственной	100%
Медицинской	25%
Социально-экономической	97%
Педагогической	160 чел.
Художественной	79%

Кроме того по ряду специальностей процент удовлетворения очень низкий, а иногда студенты совершенно не обеспечены практикой. Например в текущем учебном году в химической промышленности практикой удовлетворяются по специальностям:

Лесохимическая	10,4%
Технология удобрений	10,6%
Фарфор и фаянс	10,5%
Парфюмерное дело, фармацевтическая практика в аптеках	0%

Это положение должно быть устранено путем установления индивидуальных норм практики по отдельным отраслям народного хозяйства, исходя из необходимости полностью удовлетворить потребность вузов в местах практики. Нужно заметить, что ГПФ РСФСР только с текущего учебного года проводит работу по прикреплению вузов к предприятиям на ряд лет, между тем как партийная директива о необходимости подобного прикрепления была дана еще в 1925 г.

Слабой стороной проведения практики является также отсутствие руководства работой практикантов как со стороны инженерно-технического персонала предприятия, так и со стороны вузов. А ведь производственная практика помимо прямых учебных целей дает возможность студентам ознакомиться с условиями труда и быта рабочих, что весьма важное значение имеет для студентов, не бывших ранее на производстве.

О „НАИБЫСТРЕЙШЕЙ ПОДГОТОВКЕ“ СПЕЦИАЛИСТОВ

Помимо того, что школа не может дать кадры надлежащим образом подготовленных специалистов, она их не может дать в точно установленные сроки, так как эффективность работы школы продолжает оставаться низкой. Срок пребывания в вузе (техническом), установленный учебными планами,—пять лет. Если же проследить фактический срок пребывания в вузе студента, то он, хотя и короче, чем до революции, но все же значительно превосходит установленные пять лет, например:

Вузы	До революции	Теперь
МВТУ	7,9	6,5
ЛГИ	8,7	6,8

Количественно слабая продуктивность работы вузов иллюстрируется процентом окончивших ко всей массе учащихся.

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
МВТУ	—	6,7	6,1	9,0	7,3	4,3	9,4	10,1	10,0	—
МИИТ	15,0	14,7	15,6	15,2	—	—	—	20,3	15,0	19,0
1 МГУ	14,8	17,5	16,1	—	—	—	—	14,0	13,2	—

Приемом процент оканчивающих в последние годы не может быть показателем, ибо он обусловлен тем, что мы имеем сейчас в вузах большое скопление студентов на старших курсах. Если же прием тех лет, в которые поступили окончившие, помножить на число курсов и от этого количества вычислить процент, он будет значительно ниже.

Низкая эффективность работы школы обусловлена целым рядом причин.

а) Учебные планы и программы. Лишь только начиная с прошлого учебного года, ГПФ РСФСР разработаны и, начиная с младших курсов, введены твердые учебные планы. На Украине твердых учебных планов до сих пор еще нет. Наличие твердых учебных планов вносит упорядочение в работу школы, но все же разработанные новые учебные планы нельзя признать совершенными, так как старые грехи многопредметности в них имеются. Изменение этих учебных планов, однако, должно идти параллельно с разработкой программ отдельных дисциплин, к разработке которых в ближайшее время должен приступить Наркомпрос, закончив работу в кратчайший срок.

б) Академическая успеваемость студенчества. «Коэффициент полезного действия» школы зависит от продуктивности работы студенчества, т. е. от академической успеваемости. За последние два года академическая успеваемость поднялась, но все же продолжает оставаться низкой.

Успеваемость студенчества по отдельным вузам выражается следующими цифрами:

Учебное заведение, факультет	Курс (не успевает в %)			
	I	II	III	IV
Мех. ф-т ВМТУ . .	26,6	40,3	62,9	—
Электр. ф-т МВТУ .	39,5	48,7	58,7	—
ЛПИ	17,2	35,5	41,2	41,9
МИИТ	7,1	10,9	16,4	18,4

Помимо ряда причин (перегрузка общественной работой партийной и комсомольской части студенчества, слабая подготовка поступающих) низкая академическая успеваемость студенчества в основном объясняется материальной необеспеченностью студенчества. Наглядным примером зависимости успеваемости студентов от их материальной обеспеченности служит сравнение успеваемости студентов МИИТ и Ленинградского политехнического института. Если успеваемость в МИИТ выше, то это вследствие того, что на обеспечение одного студента в месяц в МИИТ тратится 22,9 р., а в Ленинградском политехническом институте—12,6 р.

в) Материальное положение студенчества. В основном бюджет пролетарского студенчества складывается из госстипендии. Необходимо отметить, что процент удовлетворения стипендиями невысок.

Республика	% удовлетвор.
По вузам РСФСР	43,2
„ „ УССР	39,0
„ „ БССР	45,2

Республика	% удовлетвор.
По вузам Азербайджана	15,0
" " Грузии	6,0
" " Армении	8,0
" " Ср. Азии	15,5

Кроме этого размер стипендии далеко не покрывает прожиточного минимума студента. Размер госстипендии в вузах по республикам:

По вузам РСФСР	25 и 20 руб.
" " УССР	24 р. (в среднем)
" " БССР	19 р.
" " Азербайджана	25 р.
" " Грузии	25 р.
" " Армении	25 р.

Еще более низкий размер стипендии в техникумах:

" " РСФСР	18 и 15 р.
" " БССР	15 и 13 р.

Прожиточный минимум студента (голодный) исчислен в размере 35 р. 60 к. в месяц.

Помимо понижения продуктивности работы студента плохое материальное положение вредно отзывается и на физическом состоянии студенчества. По мере продвижения на старшие курсы процент больных увеличивается, что видно из приводимых ниже цифр.

№ п/п.	В у з ы	Курс	Общее колич. учащихся	% освидетельств.	Результаты освидетельствования в %/0	
					Здоровых	Больных
1.	Вятский педагогический институт	1	203	100	28,5	71,5
		2	166	100	26,5	73,5
		3	163	100	20,5	79,5
		4	82	100	19,5	80,5
2.	Казанский ветеринарный институт.	1	231	25	67,3	32,7
		2	122	35	69,0	31,0
		3	133	47	66,2	33,8
		4	144	40	69,4	30,6
3.	Ленинградский лесной институт.	1	354	54,3	36,4	63,6
		2	623	63,4	18,2	81,8
		3	1 181	27,8	8,7	91,3
4.	Рабфак Иваново-вознесенского политехнического института.	1	183	85,0	44,0	56,0
		2	131	90,0	40,0	60,0
		3	94	97,0	33,0	67,0

Это положение создает также весьма солидную угрозу всему делу подготовки специалистов.

Выставляя задачу дальнейшей пролетаризации школы, необходимо параллельно с этим также ставить вопрос об увеличении ассигнований на материальное обеспечение студенчества для установления стипендий вновь принятым.

В ближайшее время необходимо отпустить средства на увеличение размера стипендии.

Неудовлетворительность материального положения студенчества дополняется еще скверными жилищными условиями. Студенческие общежития крайне переуплотнены и не оборудованы. В Москве жилая площадь на 1 студента ниже 1 кв. саж. Студенты, живущие в общежитиях, удовлетворены инвентарем: матрацами—65%, столами—75%, табуретками—81%. В Белоруссии же, например, имеется общежитие для студентов с нарами в два яруса.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОКОНЧИВШИХ ВУЗЫ И ТЕХНИКУМЫ

Использование молодых специалистов имеет ряд недочетов.

а) Распределение окончивших. Государству крайне важно иметь возможность наиболее рационального использования молодых специалистов, т. е. использовать их по специальности и планомерно распределять в соответствующих отраслях народного хозяйства. Действующее законодательство (декрет о практике и стаже) не разрешает эту задачу. По существующему закону окончившие могут с целью внедрения в производство и получения производственной квалификации пойти на одногодичный стаж, и органы народного хозяйства должны им предоставить в пределах установленного процента места для стажа.

Как мы видим, законодательством упущены два серьезных момента: 1) обязательство всех окончивших принять работу по специальности, 2) обязательство хозорганов разместить всех окончивших. Без этого в дело распределения окончивших весьма трудно внести плановое начало.

Действующее законодательство должно быть пересмотрено, и в нем должны быть предусмотрены обязательство окончивших проработать известный срок по специальности и обязательство хозорганов использовать всех окончивших. Это не значит, что государству придется распределять ежегодно всех окончивших. Каждому окончившему должно быть предоставлено право в течение известного срока получить работу по договоренности с хозорганами самому, учитывая, что студент устанавливает связи во время прохождения практики. Только когда студент не получил работы или получил работу не по специальности в течение этого срока, он направляется на работу органами Наркомтруда, так как контроль за правильным распределением молодых специалистов должен быть возложен на Наркомтруд.

б) Использование окончивших. У нас нет данных об использовании большинства окончивших за последние годы. Органы просвещения и хозорганы учетом того, как используются молодые специалисты, до сих пор не занимались. Есть данные об использовании молодых специалистов, работающих в качестве стажеров. Использование труда стажеров в большинстве случаев поставлено неудовлетворительно: в ряде случаев наблюдается недоброжелательное отношение старых специалистов к ним. Есть случаи нерационального использо-

вания труда стажеров,—например МКХ издал приказ, коим запрещается стажерам давать ответственные должности, хотя по отзывам специалистов они и вполне подготовлены для этого. Есть стремление превратить стаж в своеобразное дополнительное «ученичество» для молодых специалистов.

В ближайшее время по линии хозорганов должны быть разработаны директивы о порядке использования молодых специалистов с указанием примерно тех работ, на которых должны быть использованы эти специалисты. При этом следует учесть те работы, которые были выполнены студентом во время производственной практики. Как правило, инженеры после окончания должны занимать должности, дающие возможность получить производственную квалификацию, устраняя при этом загрузку молодежи выполнением административно-хозяйственных обязанностей.

Наблюдение за правильным использованием окончивших помимо руководителей учреждений должно быть и со стороны профорганизаций предприятий. Завкомы и инженерно-технические секции должны уделять этому вопросу большее внимание, чем это было до сих пор. Сами вузы также должны установить планомерную связь с окончившими. Помимо оказания в известных случаях помощи молодым специалистам вузы в процессе этой связи получают ряд ценных указаний, на основе которых смогут внести известные улучшения в свою работу.

ВЫВОДЫ

При том состоянии, в котором находится дело подготовки специалистов в настоящее время, мы заявляем, что одна из важных директив партии не будет выполнена.

Для успешного выполнения этой директивы нужны срочные меры, направленные к улучшению работы высших и средних профессионально-технических учебных заведений.

Председатель ЦБПС Эйдман.

СКАЖИТЕ—КТО МЫ?

(Письмо техникумовцев в редакцию)

Мы, работники общественных студенческих организаций Ленинградского строительного техникума (б. Индустриального политехникума), будучи уверены в том, что в данном случае мы выражаем мнение очень многих техникумов, считаем необходимым еще раз заявить через «Красное студенчество» о ненормальном положении техникумов, причем требуем от нашего руководящего студенческого органа, чтобы вопрос, поднимаемый нами, не остался без ответа и в кратчайшее время было бы освещено на страницах журнала отношение ВСНХ к поднимаемому нами вопросу.

Мы требуем также от «Красного студенчества» самого активного участия в разрешении этого вопроса. Ибо дело не терпит отлагательства: из техникумов сейчас выпускаются десятки и сотни людей, не знающих своего места в производстве.

Вопрос о правовом положении окончивших техникумы—не новый. Вопрос этот неоднократно обсуждался на конференциях, собраниях и не выходит из «стадии обсуждения» профобра. Однако «возу все нет ходу».

Мы считаем, что пора прекратить «обсуждения» и перейти к действительно разумному, практическому разрешению этого вопроса.

Обращаемся поэтому как люди, выходящие в ближайшее время на производство, к ВСНХ непосредственно, как к заказчику на квалифицированную силу в нашей стране.

Наше народное хозяйство требует ряда квалифицированных работников для каждой отрасли, начиная от высшего состава—инженеров, кончая квалифицированными рабочими.

Подготовка всех их лежит на обязанности профобра. Профобр же пытается одним типом школы заполнить расстояние между этими двумя крайними пунктами. Техникумы своего определенного положения на этой лестнице квалификаций не заняли, ибо сами по себе представляют весьма разнородного характера учебные заведения с разными программами, с разными сроками обучения и вытекающей отсюда разной квалификацией окончивших эти учебные заведения. Но всем им имя—техники, ибо в профобровских сумерках все кошки серы.

Фактически мы имеем ряд техникумов, которые среди им подобных являются техникумами повышенного типа. В Ленинграде к последним можно отнести б. Индустриальный политехникум—в настоящее время Строительный техникум, Электротехникум, Механический техникум и некоторые другие, дающие солидную инженерную подготовку окончившим их. Они строят свой 4-годовалый курс следующим образом: подводят прочный физико-математический базис на первых курсах, что впоследствии дает возможность для глубокого усвоения специального курса, в то время как в других техникумах физико-математического базиса и в помине нет, а учащиеся поднатаскивают кое-как по специальным предметам, а через два-три года глядишь,—готов... тоже техник.

Иллюстраций к сказанному сколько угодно, искать долго не приходится. В то время как оканчивающие архитектора Строительного техникума (б. Индустриального) «разворачивают» свои квалификационные проекты листов на двадцать, где обоснованы и теоретически оправданы каждая линия, каждое скрепление,—архитектора Художественного техникума не в состоянии рассчитать фермы из сделанного ими же проекта (пример этот привел инспектор по профобразованию на конференции по практикам).

О Ленинградском техникуме градостроителей говорить не приходится, ибо он является скорее школой десятников.

Окончившие все три вида техникумов получают одно и то же звание, а это значит получают один и тот же «мандат» на положение в производстве,—техника без права производства работ. Такое же положение и у механиков. Такое же у электриков.

Со стороны хозяйственников мы слышим, что требования к технику в высшей степени «скромны»: надо уметь наблюдать за строительством корпусов, разбираться в чертежах, но отнюдь не самому составлять, проектировать. В производстве, мол, нужны мастера—такие, каких примерно выпускает Текстильный техникум и целый ряд других техникумов пониженного типа, где проходят исключительно практический курс изучаемой области, где о физико-математическом

базисе, о серьезном проектировании излишне говорить. Об этом мы слышали на конференции по практикам техникумов, недавно состоявшейся в Ленинграде.

Но из этого вытекает, что техникумы «скромным требованиям» хозяйственников удовлетворить не могут.

В Украинской ССР окончившим техникумы дают квалификацию инженеров узкой специальности. Программа этих техникумов не отличается от программ наших техникумов повышенного типа. Техников же готовит профшкола.

Вопрос об узких инженерах стал за последнее время воистину «притчей во языцах». Мы отнюдь не ратуем за обязательное приклеивание к нам ярлычков «узких» — не в этом суть. Важно, чтобы положение техников в производстве было точно определено, следует отсеять техников от «техников». Надо делать так, чтобы не получалось такого положения, когда в мастера (выпускаемые профшколами и техникумами пониженного типа) техники не подходят по недостаточной, в узком смысле, практической подготовке, а к праву производства работ их тоже не допускают: «Куда, мол, вам с суконным рылом да в калашный ряд!».

Такому ненормальному положению должен быть положен предел. Государство терпит убытки, подготавливая квалифицированных работников и не используя их, не говоря уже о том, что последнее далеко не в интересах самих работников.

На ошибках мы учимся (под таким девизом протекала, очевидно, деятельность профобра по вопросу о техникумах), но ошибки не должны иметь места в дальнейшем. Учиться на живых людях не всегда можно безболезненно для последних. Результатом же этой «учобы» явилась вопиющая хаотичность в положении техникумов. От ВСНХ, как от наиболее заинтересованного учреждения, мы требуем энергичного вмешательства в этот вопрос и самых действенных мероприятий.

Подписало 10 человек.

СТУДЕНЧЕСТВО и КИНО

СВОЯ ИЛИ ЧУЖАЯ?

В свое время в нашем журнале было отмечено, что режиссер Тарич готовит картину из студенческой жизни под названием «Сор». Сценарий этой картины был зачитан на собрании рабочей молодежи Москвы. Студенчество об этом оповещено не было и посему присутствовать на обсуждении сценария не могло. Все же, несмотря на несоответствующую аудиторию, авторы сценария во главе с Таричем получили должное. Выступавшие комсомольцы с заводов, не связанные органически с нашими студентами, поняли все же, что предполагаемая картина из жизни вузовцев явно непригодна для советского экрана.

Авторы сценария обнаружили полнейшую безграмотность в изображении самых простых моментов студенческого быта. Можно ли придумать что-нибудь ерундовее того, что было написано в первоначальной рукописи сценария? Был там, например, момент, когда студент, несущий небольшую общественную работу в профкоме и увлекшийся изюмкой, на просьбу ее устроить родственника в вуз отечал ей тем, что вынимал из кармана готовую путевку (?!) с просьбой только написать фамилию поступающего. Где это видно, чтобы студенты имели путевки в вуз «на всякий пожарный случай»!

Одного этого факта вполне достаточно для того, чтобы сделать следующий вывод: студенческую картину взялись делать люди, почти абсолютно незнакомые со студенческим бытом. Кроме того, сюжет задуманной картины оказался избитым, неправильно рисующим наш быт и неинтересным.

Выступавшие на диспуте после читки сценария представители рабочей молодежи и случайно попавший на читку представитель нашего журнала единодушно отвергли сценарий «Сор». Лейт-мотивом всех выступлений была фраза, сказанная одним из выступавших: прежде чем показывать сор и давать рецепты, как его выметать, — нужно показать крепко сколоченную студенческую избу, в которой этот сор заводится и из которой он выметается. Ведь это первый предполагаемый к постановке сценарий из быта студенчества, и поэтому в нем нужно дать более полное, а главное абсолютно правильное отражение жизни наших вузов, общежитий и т. д.

После этого диспута редакция журнала письменно предлагала Совкино зачитать сценарий в специально студенческой аудитории, считая, что без участия студенчества это дело не может быть плодотворным. Однако Совкино не пожелало, очевидно, канителиться со сценарием и... приступило к постановке картины по первоначальному тексту сценария, выбросив, конечно, те сугубо невероятные и надуманные моменты, о которых говорили выступавшие на диспуте.

В это время в театре Пролеткульта шла уже пьеса Афиногенова «Гляди в оба», сюжет которой и был почти полностью повторен в сценарии «Сор».

Время шло, на постановку тратились силы, время и самое главное средства.

Вся работа по съемке шла вне связи с центральными студенческими организациями, и о ходе съемок было мало известно.

В театре МГСПС уже показывали пьесу Киришона и Успенского «Константин Терехин». Прошла широкая полоса студенческих диспутов по поводу этих двух театральных постановок, и в прессе наконец появились маленькие заметки о том, что снимается студенческая картина «Отрыв». Еще позже «Отрыв» переименовался в «Бархадную лалу» и наконец в одном из театральных журналов сообщили о том,

что на съемку студенческой картины ухлопали порядочные средства, а картина оказалась совершенно непригодной для демонстрации на экране.

Но нет такого положения, из которого нельзя найти выход. Мудрые кинематографисты вырезали непотребные места, что-то переомонтировали, что-то досняли— и вот эта первая картина о советском студенчестве, называемая уже «Свои и чужие», предстала перед глазами представителей московского студенчества.

6 апреля в клубе Московского института инженеров транспорта был просмотр «Сора», «Отрыва», «Бархатной лапы» и «Свои и чужие».

Что же сделали кинематографисты, проработав над студенческой картиной более года? Ведь диспут о сценарии был в феврале 1927 г. Срок для работы над фильмом кажется более чем достаточный...

Содержание картины сводится к следующему.

Студент-химик Алексей Ребров—очень способный и деловой парень. Он даже пытается сделать какое-то научное открытие, и не безуспешно. В лабораторной работе ему помогает студентка Шура, его близкий товарищ. Ребров несет общественную работу в профкоме, где ведает выдачей денег из кассы взаимопомощи.

Другой герой, тоже студент-химик, Семен Хмурый, типичный хлыщ, мот, лентяй и пьяница. Он яхшается с семьей эппманов Малецких, где помимо «самого» есть обольстительная Ирочка и великовозрастный юноша Казик, нуждающийся в протекции для поступления в вуз.

Хмурому удается заманить Реброва к Малецким, где ему для начала предлагают взять на себя репетирование Казика.

С этого начинается. Ирочка опутывает Реброва тонкой паутиной своих чар, и последний сразу, по воле постановщиков, из энергичного малого превращается в какую-то тряпку. Даже тогда, когда тетка Ирочки, содержащая институт красоты, проделывает над ним всяческие эксперименты, вроде паровых ванн лица, он ни одним жестом и ни одним словом не пробует протестовать. Также безропотно он отдает

„Свои и чужие“. В институте красоты.

содержательнице института красоты семь рублей из общественных денег за банку какого-то снадобья для восстановления никогда не существовавшей красоты лица.

Попутно с разворачиванием сюжета рисуется студенческий быт. Вот комната, где усиленно готовятся к зачетам пять-шесть человек, а Юрка, по прозвищу «Сучок-задоринка», мешает им игрой на балалайке. Этот Юрка на протяжении всей картины фигурирует как комик, шелопаи и лентяй. Несмотря на всю отрицательность типа, он симпатичен зрителю и является прототипом Басова из «Гляди в оба».

В общежитии пижон Казик празднует свою сделку с репетитором Ребровым и устраивает солидную пьянку. Пьют все, кроме Реброва и Шуры, которые занимаются. Во время занятий они устанавливают «родственность своих душ», и вот первый поцелуй этой симпатичной пары умиляет взор зрителя.

Но Ирочка прислала записку, что ждет сегодня Реброва к себе. Без колебаний он отправляется к ней и благодаря ее чарам опаздывает на завод, где ведет какие-то занятия с фабзайцами.

Дальше идут вечера с вином и цыганами. Ребров постепенно отрывается от своих и пристает к чужим.

В то время когда его товарищи работают по очистке снега и крыш, для того чтобы пополнить свою кассу, Ребров с пьяной компанией катается на автомобиле, не задумываясь над тем, что общественные деньги постепенно тают.

Шура уже одна работает в лаборатории. Аппараты и приборы Реброва покрылись пылью.

Студенты начинают роптать на то, что Ребров задерживает выдачу пособия, и профком, выяснив, что деньги из союза Ребровым получены, предлагает ему завтра же начать выдачу.

Ребров отправляется к Малецкому просить денег для пополнения растроченной суммы. Малецкий соглашается помочь Реброву, но с условием, что, как член приемочной комиссии, он проведет Казика в вуз. Ребров находит силу воли отказаться от этого дела и уходит от Малецких, чтобы никогда не вернуться к ним.

В профкоме он заявляет, что у него нехватает 180 рублей. Ребята, устроившие вечеринку с блинами по поводу сдачи зачетов, узнав об этом, моментально прекращают веселье и обсуждают, как быть? Как помочь подняться упавшему товарищу?

Выход находит Шура. Она первая расписывается в ведомости, как получившая

«Свои и чужие». Дают пособие.

деньги, на самом деле ничего не получая; за ней и другие дают свои подписи. Ребров спасен, он снова в лаборатории, в которой без него ничего не кленлось. Снова закипела учеба, и снова Ребров и Шура работают рядом.

Таков сюжет картины. Попутно показывается другая семейная трагедия. К моту Хмурову, живущему с Лелей Симанович, вдруг приезжает из деревни другая его жена, Феня, с ребенком на руках. Хмурый после некоторого раздумья оставляет двух женщин и уходит со словами: разбирайтесь сами.

Леля хочет стреляться, но ее спасают ребята. Хмурого выгоняют из общежития.

Вся эта история кажется снятой из «Ржавчины». Вспомните Терехина, женатого на студентке Марусе, к которому приезжает вторая жена с ребенком и тоже из деревни. Он тоже уходит от них и чуть ли не с теми же словами. Даже детали схожи. В «Ржавчине» за этой сценой наблюдает в щелочку Прыщ, в картине Тарича это делает напоминающий Прыща «Сучок-задорника».

Во всей картине чувствуется надуманность и натянутость. Актерский коллектив слишком заметно обнаружил свое поверхностное знакомство со студенческим бытом. Впрочем, лучшей рецензией на картину были выступления на диспуте, открытом после просмотра «Свои и чужие».

Открывший диспут председатель культкомиссии МБПС т. Маршак высказал свое мнение о картине.

— Это шаблон,—сказал он.—Нам давно надоели такие картины, в которых типы слишком однобоко выведены. В эпизане всегда 100% мерзости, и уже немало мы видели фильм, в которых белые всегда стопроцентные мерзавцы, а красные воплощают в себе положительно все качества кристально чистых людей. Пора, кажется, отойти от выпуска таких избитых фильм и начать показывать нашу жизнь такой, как она есть.

Касаясь отдельных деталей картины, т. Маршак обращает внимание на момент, когда студенты решают помочь растратчику Реброву и добровольно отказываются от получения денег. Это очень благородно звучит, но от этого веет какой-то надуманностью и нереальностью. Есть масса и других несуразностей. Они на диспуте выплывут на поверхность, и мы, суммируя все сказанное, должны будем послать свою резолюцию в Совкино, выпустившее эту первую картину из студенческого быта, которую совершенно справедливо можно назвать первым блином.

Студент т. Каган ставит перед аудиторией вопрос: показано ли в картине студенчество? И отвечает: нет, не показано. Студенчество—это масса, тесный коллектив, в котором есть много интересного и своеобразного. В картине же показан относительно полно только один человек, да и то мало похожий на нашего студента.

Учеба в картине также не показана. Нам показали, как в аудитории сидит какой-то усатый дядя и еще несколько человек и этим хотели дать зрителю понятие о нашей учебной работе. Тов. Каган закончил свое слово пожеланием, чтобы Совкино не занималось попусту постановкой таких ничего не дающих картин, а давало бы лучше жизненную хронику, отображающую нашу действительность.

Не обошлось на диспуте и без курьезов. У нас уже появился тип студента, который готов крыть без разбора все, что написано и показано о студенчестве. Один из выступавших возмущался, например, тем, что показывают студентов-химиков, а у них отсутствует «даже самая элементарная гигиена». Один выхватывает папиросу изо рта другого и продолжает ее курить. Бывают, конечно, заскоки, но почему этот оратор, думая, очевидно, о медиках, упорно требовал, чтобы химики были первейшими популяризаторами основ санитарии и гигиены?

Тов. Ашдиделевич, выступавший далее, очень метко подметил, что картину можно назвать студенческой разве только потому, что герой ее, Ребров, носит студенческую фуражку. Если эту фуражку снять, то пропадет все специфически студенческое. (Да и форменная фуражка вряд ли является характерной для нашего студенчества.) Совершенно неверно трактуется и отображается быт. Неужели наши ильманы такие дураки, что не понимают самых простых вещей? На мякине их

не проведешь. Они прекрасно знают, что «обработать» одного члена приемочной комиссии слишком мало, чтобы пролезть в вуз. Обидно становится за такого наивного нэпмана.

Один из героев картины, Хмурий, является типичным городским хлыщом. Каким образом к нему приезжает сугубо деревенская жена в полушубке, платочке и т. д.? Никак не верится, что Хмурий когда-то был деревенским жителем. Больше того, кажется, что он деревню никогда и не видел.

Тов. Кулодовин считает, что основными элементами студенческого бытия являются учеба, общественная работа и материальное положение. Ни то, ни другое, ни третье, по мнению т. Кулодовина, в картине не оттенено. Совсем не видно, что это пролетарское студенчество. Действующие лица стоят вне связи с внешним миром, и одна только деревенская жена Хмурова олицетворяет связь нашего студенчества с заводом и деревней. Этого мало. Отдельные детали картины шаблонны и надуманны.

Выступавший от редакции «Красного студенчества» т. Шабанов отметил необычайное повышение интереса к быту студенчества со стороны наших писателей и драматургов. Однако над всеми произведениями висит какой-то злой рок. Если взять только студенчество в пьесах и в кино (у нас пока 3 таких вещи), то все они несколько похожи друг на друга.

Герои очень похожи один на другого, второстепенные типы почти всюду одинаковы и, наконец, «окружение» всех трех героев (Зонин—«Гляди в оба», Терехин—«Ржавчина» и Ребров—«Свои и чужие») одно и то же. Это—новая буржуазия с ее обольстительными дочками, которые опутывают студентов с разными выгодами для себя намерениями. Почти во всех вещах одинакова динамика сюжета. Две пьесы о студенчестве вовсе не плохи. Они довольно глубоко и художественно ставят волнующие вопросы. А данная картина является пересказом того, что мы видели в двух пьесах о студенчестве, причем, несмотря на большие преимущества и возможности кино, все это подано гораздо хуже, чем на сцене. Это и понятно. Авторы сценария доказали, что они не могут справиться с этим делом еще тогда, когда они только зачитывали свой сценарий. И, несмотря на резкий отпор, который они получили со стороны даже не вузовской молодежи,—явно негодную картину все-таки начали делать.

Картину «Свои и чужие» было куда правильнее назвать просто «Чужие», потому что своего у постановщиков почти ничего нет. Половина взята из «Гляди в оба», а половина из «Ржавчины».

Можем ли мы иметь свою картину? Конечно, можем. Но сделать ее должны мы, а не люди, далеко стоящие от студенчества.

При нашем журнале есть молодая, но довольно сильная литгруппа. Одним из ее членов, т. Бельм (Юрий Родиан), из рассказа «Возвращение Флора Севастьянова», напечатанного в журнале, переделана студенческая пьеса, которая сейчас спешно готовится к постановке в таком солидном театре, как МХАТ 2-й. Это доказывает, что у нас есть свои силы и мы сумеем создать свой правдивый и жизненный кинофильм.

Выступивший далее председатель МБПС, член редколлегии «Красного студенчества» т. Дьяков, совершенно правильно подметил, что во всех произведениях о студенчестве фигурирует только половая проблема. Но стоит ли столь редкостная коренковщина того, чтобы ее трактовали на все лады наши писатели и драматурги?

Я часто бывал в студенческих общежитиях. Знаю, как живут наши ребята. В одном и том же общежитии можно найти грязные неубранные комнаты, наводненные окурками, обедками и т. д., а рядом можно видеть чистую и проветренную образцовую комнату. У нас после выдачи стипендий бывают и вечеринки, доходщие иногда до безобразий. В картине это пробовали показать. Но мы боремся с извращениями в нашем быту, а картина проходит мимо этой борьбы.

На экране мы хотим видеть нашу учобу. Нужно показать, с каким напряжением молодые рабочие и крестьяне преодолевают трудности учобы. Надо сделать такую картину, чтобы рабочий зритель увидел, как подготавливаются его товарищи к тому, чтобы притти на завод в качестве хорошо подготовленных красных специалистов.

Последний оратор, т. Туткин, остановился на том, что в картине так мало студенческого материала, что, если выбросить две-три специфически студенческие детали, можно будет сказать, что действие происходит, не в вузе, а где-нибудь на заводе.

Постановщикам картины не удалось показать особенности студенческого быта.

Отрыв студента от своего коллектива показан слишком шаблонно. Здесь своеобразный треугольник: изпман—дочка—студент. Интересней было бы показать, как студент с течением времени превращается в чиновника, но для этого нужно много поработать нашим студенческим литературным силам.

В единогласно принятой резолюции студенты сказали следующее:

1. Картина не отражает жизни и быта красного студенчества такой, какая существует в действительности.

2. В картине собраны отдельные эпизоды, не характерные и хаотичные.

3. Мало и недостаточно освещены отдельные моменты из жизни студенчества, как-то: учоба, общественность, жизнь в общежитии и т. д.

4. Картина построена по трафарету и является пересказом «Гляди в оба» и «Ржавчина».

5. Просмотрев картину «Свои и чужие», собравшиеся представители студенческих организаций Москвы предлагают Совкино не выносить ее за пределы закрытого просмотра.

В общем картина не своя, а чужая.

ПЕТЕР ШЛЕМИЛЬ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ „ОКОШЕЧКА“

«Окошечко»—выгодная вещь для клуба, для бюджета его, но беда, коль окошечко кассы определяет лицо киноработы в вузовских клубах.

Студенты недовольны «окошечком», определяющим их вкусы, но отнюдь не считающимся с требованиями студенческой массы.

Клуб 1 МГУ показателен в данном случае. Один сухой перечень всех недостатков может составить у читателя впечатление, что «не все на киношпке покойно».

Чего хочет студент за свои 10—15 копеек от кино? Отдыха. Хорошей и полезной картины. Получает ли он ее? Есть ли система в работе киносекции 1 МГУ?

Картины, достойные внимания—редкие гости в клубе 1 МГУ, а больше всего приходится довольствоваться заграничной продукцией, и то из кинозавали.

Киносекция, может быть, имеет систему работы, но в ее системе отсутствует система воспитательная, политикопросветительная.

Студент все может слопать, и нашему студенчеству приходится ходить в клуб, глазеть на экран, где мелькают старые и нудные кадры довоенного образца, вслух ругать клуб, писать заметки в газету и, вновь надеясь увидеть хорошую фильму, ити в неудобный, битком набитый зал.

Я понимаю, что здесь виновата не только киносекция клуба,—«прокат» тоже влияет на работу, но все-таки можно было дело поставить лучше.

Бывает так, что хорошие картины, побывав на больших экранах, попадают в клуб, но здесь они «как светлое видение» мелькнут, соберут публику, и завтра же идет очередная кинохалтура.

В 1 МГУ 8—9 тысяч студентов, и потребность в кино большая, а такие картины, как «Парижский сапожник», «Два дня», «Два друга, модель и подруга» и др., идут только один день. Вместимость зала—через силу—600—700 чел. Занятия пропускают около 2000 чел. Ясно, что число желающих попасть в кино значительно больше, и подавляющий процент студентов довольствуется чтением афиш и рассказами товарищей о фильмах.

Такая фильма, как «Парижский сапожник», с проблемой, достойной споров, была принята горячо, и небольшая группа комсомольцев думала предложить клубу устроить общественный просмотр фильма и диспут, но картина мелькнула и пропала.

Все сводится к тому, чтобы только показать картину, получить деньги, а серьезной работы нет никакой. Киносекция и кружок сценаристов прозевали время широкой общественной кинодискуссии, никто не ударил палец о палец, чтобы вовлечь студенчество в эти деловые споры.

Политика «окошечка» определяется не только дельцами из «проката», но и тем, что киносеансы посещают люди «с улицы», плата на 10—15 копеек дороже.

Исполбюро профсекции должно следить за тем, чтобы кино клуба в эпоху культурной революции хоть в какой-нибудь степени оправдывало свое назначение.

Теперь перейдем к вопросу о культурфильме, полное отсутствие которой заставляет нас обратить внимание и на этот важный участок работы.

Вся страна видела картины: «Наука о поведении человека», «Путь к красоте и здоровью», «Аборт», «Гигиена брака», «Восхождение на Эверест» и др. Студентам же приходится только вздыхать и мечтать о такого рода картинах.

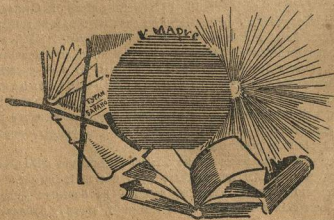
Может быть, с точки зрения «окошечка», такие фильмы мало выгодны, но такая точка зрения отдает насквозь подслеповатой и ограниченной коммерцией. Такие картины выгодны. Молодежи нужны не только книги, но и живой научный показ того, о чем говорят, спорят, что интересует научную мысль и общественность.

Прошел год—и ни одной научной фильмы не увидели экраны некоторых студенческих клубов, в то время когда пытливая пролетарская молодежь ждала отнюдь не авантюристских фильм, а именно картин с серьезным научным содержанием.

Только в КУТВе устраивается еженедельно бесплатное кино для студентов. Студенты здесь меньше ропщут, ибо здесь заботятся не только о бесплатном проходе в зал, но и о содержании картин.

Пора нам обратить внимание и на недостатки второго ранга. К ним относятся: сиротливая и убогая внешность зала, допотопная кинотехника и музыкальная иллюстрация.

Хорошо, что некоторые вузы имеют свои кино, но плохо то, что партийные и комсомольские ячейки и вузовская общественность почти не касаются киноработы, а их вмешательство, контроль и помощь в этом деле необходимы.

ОТ РЕДАКЦИИ

Отдельные попытки упорядочить свою жизнь, правильно организовать работу и отдых, улучшить материальное положение и т. д. в студенческих общежитиях появляются нередко. Однако попытки создать коммуны, коллективы и пр. не всегда выживают. Коммуны часто хиреют, гложут и рассыпаются. Все же наряду с "эпизодическими" коммунами мы имеем сейчас по отдельным городам крепко сколоченные коллективы, насчитывающие за собой изрядный стаж и опыт. К этому, правда немногочисленному, ряду коммун можно отнести образцовую жилищно-бытовую кооперацию (ЖБК) студентов Ленинградского педуза им. Герцена.

Печатая ниже материалы о жизни отдельных общежитий, редакция обращается ко всем существующим студенческим коллективам и коммунам с просьбой поделиться на страницах журнала своим опытом и достижениями.

В тех местах, где о коллективах только еще думают, следует учесть имеющийся опыт и призадуматься над созданием своих организаций.

Следует использовать также предстоящий летний период, когда студенчество будет тесно связано между собой в домах Отдыха, экскурсиях и т. д. — все это создает благоприятную почву для подготовки организации коллективов на время нового учебного года.

С. БАЛЕЗИН

ИСТОРИЯ ЖБК

Двенадцать студентов института социального воспитания, несмотря на общий скептицизм, решили половому перестроить свою жизнь. Рядом с институтом нашли свободную квартиру, способную вместить 12 человек, вселились и наименовали себя коммуной.

Большие разногласия внес первый устав, в основу которого были положены вопросы об организации времени, рациональном использовании стипендии и совместной учебе. Устав также предусматривал формы управления с членскими и паевыми взносами и дежурствами. Первый лозунг коммуны—точный расчет и учет в основу, а остальное все приложится.

Наиболее молодые, горячие бурно протестовали:

— Чего тут с уставом—даешь полную коммуны без уставов и расчетов.

Такому настроению был дан благоразумный отпор. Устав утвердили.

Хозяйство коммуны состояло из жестяного чайника, таза и двух глиняных мисок. К концу года приобрели и клеенку, которой очень гордились. Месячный бюджет (отчисления от стипендии) составлял 60 рублей. На эти деньги ухитрялись выписывать газеты и журналы, готовить утренний чай и ужин. Обедали в институтской столовой.

Маленькая комната служила столовой и клубом.

В коммуне было полное равенство женщин и мужчин, поэтому все поочередно готовили чай и ужин. Особое дежурство было установлено по мытью полов в кухне, уборной и клубе-столовой. Девчата шутя справлялись с этой работой, ребятам же приходилось туго.

Горе было и с ужинами. Решили устроить конкурс на лучший и дешевый ужин. В виде премии установили освобождение на месяц от всех дежурств. Так понемногу к концу года овладели поварским искусством. Каждый специализировался на одном блюде. Коммунары обычно справлялись не о меню, а о дежурном:

— Кто дежурный?

— Костя.

— Значит опять кожаные котлеты.

Дежурный Степка.

— Ну, значит лапша и кости.

Петька,—каша гречневая.

Культурная жизнь и учеба строились совместно. Пробовали было по вечерам рассказывать друг другу свои биографии, получилось скучно и длинно. Но зато когда выдавали стипендию,—гуртом, с песнями шли в кино, а по воскресеньям—в музей.

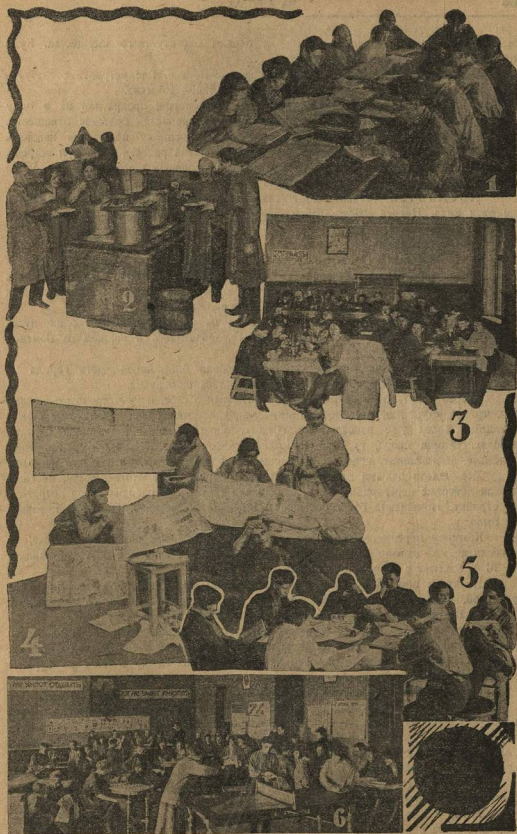
Сделали попытку контролировать время. Каждый ведет дневник расходования времени. Через неделю правление проверяет. Дело это прививалось очень туго. Беда была с девчатами, забывали записывать, и в воскресенье к заседанию правления писали оптом за неделю. А сколько раз переделывалось расписание дня! Беда опять от девчат. Вот остроносая вездесущая Лелька дает каждый раз «самое честное слово исправиться».

— Степа, ты уж разбуди пораньше. Встану, ей-ей, встану!

А утром:

— Убирайся к чорту. Отвяжись. Плюю на все,—до тех пор, пока смущенный предкоммуны не уходил совершенно расстроенным.

Коммуна и общественная жизнь были неразрывны. С первых же дней организатор, а потом предкоммуны, был избран также и организатором коллектива ВЛКСМ. Все остальные члены коммуны также вели активную работу в комсомольском коллективе.

ЖБК. 1 — Рабочая комната. 2 — Кухня. 3 — Столовая. 4 — Делают стенгазету. 5 — Читальня. 6 — Клуб.

Наводнение—необходимы силы для охраны институтского имущества. Куда прежде всего за помощью?—В коммуны.

В коллектив пожаловали гости—подшефные моряки. Где устроить встречу?—В коммуне. Кто во главе институтских демонстраций?—Коммуна.

Общая жизнь и работа сроднили всех коммунаров, превратили их в одну дружную семью. Между ребятами и девочками установились братские отношения.

При первом разезде на каникулы по родственному провожали каждого. А сколько радости, самой искренней, молодой, здоровой радости было при встрече. К ужасу преда и вопреки всем уставам коммуны, нескончаемые разговоры переходили далеко за пределы всяких регламентов.

Новый этап—слияние общественных вузов—произвел ломку коммуны. Ехали, не зная куда. Первая мысль—найти своих. Сбились в одной комнатухе. В тесноте, но среди своих.

— Опять коммуны?

— Надо больше. Пойдем в коллектив, нам помогут.

Коллектив ВКП(б) был занят стройкой нового вуза. Было некогда даже как следует выслушать. Поэтому к организации коммуны отнеслись подозрительно и даже запретили организатору (члену ВКП) принимать в ней участие.

Много осенних вечеров было потрачено на разговоры. Вывод один—пусть это будет не коммуна, а жить будем вместе. Обратились в жилком за помещением—отказ.

Но Ленинград не клином сошелся. Разбили ближайшую часть города на участки, и каждому поручили в его участке искать помещение.

Сперва ребята по наивности все выбалтывали о себе, и квартирохозяева, узнавая, что это студенты, или просто отказывали, или запрашивали невероятные суммы въездных. Силы уже иссякли, когда вдруг удалось найти пустующий барский особняк. Ожили снова, гурьбой бросились осматривать. Не по вкусу пришлось облезлые, замызганные, когда-то роскошные графские хоромы, но лучшего не было.

Две недели целыми днями приводили в порядок общежитие, мыли, чистили, делали досчатые перегородки, печи, исправляли трубы. 800 рабочих часов потратили на стройку. Помещение было большое и вмещало 36 человек. Отказа в новичках не было.

Коммуну переименовали в организованное общежитие. Устав все тот же, но общежитие уже давало все—чай, обед и ужин. Паяные взносы с 5 р. увеличились до 16 р. Бюджет с 60 р. вырос до 576 р.

На кухне появилась Дуня—профессор кулинарии. Дуня для общежития была находкой. Степенная деревенская женщина, она быстро освоилась со студентами:

— Все вы для меня ровню свои,—часто говорила она.

Общежитие не осталось в долгу—организовался «ликбез», и после 8-часового рабочего дня (это блюли строго) Дуня потела больше, чем у плиты, над букварем.

Из 16 р. паяных выкраивали и на питание, и на газету и даже по 1 р. на «кусочек социализма»—фонд взаимопомощи.

— На подметки,—как говорили ребята.

Организация стала солидной, формы управления изменились: регулярно повели работу культурная, санитарная и хозяйственная комиссии. Больше всех доставалось от санкома,—нагрянет неожиданно в комнату: «А! хлебная корка на столе, грязное белье под подушкой!» И комната попадала в опалу. Доставалось и дежурному за грязный стол, плохо вымытую посуду.

Вошло в обычай—не вымывшему руки перед обедом не давать обедать; перед сном обязательно полагалось мыть ноги.

Ровно в 8 часов утра дежурный обходит комнаты. Побудка. Гимнастику делают все,—кто лежа в постели, а кто на ходу к умывальнику.

Культком повел борьбу за культурные навыки. Выпивать никто не смел. Это каралось немедленным исключением. Борьба с курением не далась—стали курить

даже те, кто раньше не курил. Но ругань, грязь, нечистоплотность стали случайными и очень редкими явлениями. Культкомиссия следила и за отстающими по академической работе. Таким своевременно помогали.

К концу года общежитием заинтересовались студенческие организации и в первую очередь коллектив комсомола.

Было проведено параллельно обследование «организованного» общежития и обычного (медвуз).

РЕЗУЛЬТАТЫ

	Организ. общежития		Общежит. „Медведь“	
	Бюджет	Остается на свои нужды	Бюджет	Остается на свои нужды
1) Бюджет на один месяц (газета, журнал, питание, стирка, баня)	16 руб.	9 руб.	26 руб.	1 руб.
2) Расход времени на обслуживание в месяц (приготовление пищи, уборка комнат и т. д.) .	12 часов.		63 часа.	
3) Пьянство	Один случай за два года.		Ежедневное явление.	
4) Чистота	Все комнаты моются ежедневно. Под кроватями нет грязного белья. Обедают в столовой.		Моют ежедневно преимущественно в комнатах девушек. Много комнат, где совсем не подметают ежедневно. Едят почти во всех комнатах.	
5) Регламент занятия	Обязателен для всех.		Комната с регламентом случайное явление.	
6) Количество живущих в комнате	От 6 до 12.		От 3 до 20.	

Итоги были слишком очевидны.

Молодая энергия, упорство и—дружный коллектив оказался победителем.

С помощью студенческих организаций и даже хозяйки института коммуна из 12 человек за 3 года существования выросла до 285 и была названа «жилищно-бытовой кооперацией». Задачи общежития остались те же, что и вначале, только увеличился объем работы, а в связи с этим непомерно возросли и трудности, но это уже не отдельная кучка ребят, а солидная организация с хорошо зарекомендованным прошлым. Организаторы общежития мечтают (и добьются) перестроить все общежития по типу ЖБК, создать объединение организованных общежитий с единым уставом не только вузов Ленинграда, но и всего Союза. Но в этом необходима помощь всех общественных организаций студенчества.

Ленинград.

первое

ОБРАЗЦОВОЕ

С виду оно неприветливо, это большое серое здание—огромная четырехэтажная буква «П». Неприветливость усугубляется грязью в еще незамощенном дворе и остатками строительного мусора, не вывезенного еще на свалку. Но это только снаружи, да и то временно, потому что постройка еще не совсем закончена. Летом, когда будет теплее и суше, здание окрасят в более веселую краску, на дворе посадят деревья и разобьют цветники, проложат асфальтовые тротуары, и вместо теперешнего временного досчатого забора, какие бывают на постройках, поставят ажурную чугунную ограду.

Мечта о постройке нового дома для студентов II МГУ зародилась давно. О доме много говорили, больше с уверенностью в то, что мечта осуществится, но находились и такие, которые ехидно посмеивались и махали рукой: «где уж нам!»

Все же от разговоров перешли к делу, и вскоре Наркомпрос обратился в Совнарком с ходатайством об утверждении новой постройки для студенческого общежития. И вот в марте прошлого года, на радость инициаторам и к стыду «неверующих», Совнарком своим постановлением санкционировал постройку, и дело пошло полным ходом.

Скоро на выбранном месте, недалеко от Новодевичьего монастыря, заработали строители. Район «Девички» сравнительно удален от центра теперешней Москвы, но он сам является центром нового жилищного строительства и очень удобен для студентов II МГУ, потому что здесь же рядышком расположены все главные здания университета.

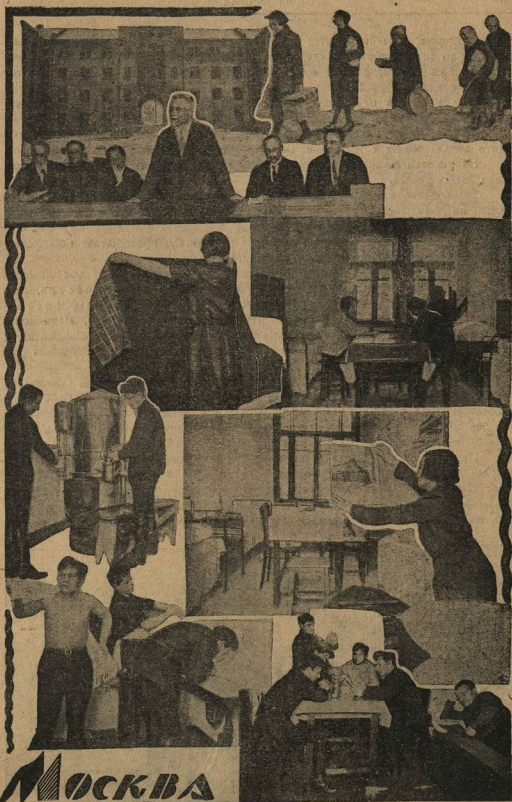
Время и деньги, тратившиеся раньше на трамвайные переезды, сократятся почти до нуля.

Постройка здания по проекту архитектора Мейснера длилась около трех четвертей года, но и сейчас продолжают работы по сооружению целого ряда вспомогательных построек.

Образцовый дом имеет при себе прачечную, столовую, кухню, читальни, комнаты отдыха и т. д. Особую ценность представляет комната, где расположены души. В наших общежитиях их почти нигде нет, а свежая вода так нужна студенту для ежедневной физкультурной зарядки.

Всего в новом доме около 300 жилых комнат. Каждая комната рассчитана не более, чем на 3—4 человека, с площадью немного менее 5 квадратных метров на каждого. В дальнейшем, когда наши общежития несколько разгрузятся, норма эта будет значительно повышена, но и при теперешнем положении налицо все данные для спокойной и плодотворной учебной работы. Этому способствуют достаточное количество света и воздуха, просторные светлые коридоры и удобные вспомогательные комнаты.

Больше тысячи студентов стекается сейчас сюда из разных уголков Москвы. Некоторые навсегда оставляют холодные стены прежних общежитий, где порой в одной комнате гнездятся в антисанитарных условиях более десяти студентов различных специальностей. Где уж тут заниматься, когда студент консерватории поет, литкурсовец декламирует стихи, а всякий, даже не связанный по своей специальности, предпочитает иногда вместо занятий брэнчать на балалайке или устраивать с другим товарищем решительные схватки французской борьбы в узких пространствах между двумя койками. Теперь этого уже не будет—это позади.

Новое образцовое общежитие МГУ

Заселение дома проводится по строгому плану. Даже самый неряшливый, имевший до сих пор большое «движимое имущество» в виде беспрепятственно размножающихся клопов, должен будет проститься с ними. Его не пугает в этот дом без предварительной «чистки». Все вещи въезжающих тщательно дезинфицируются, для чего в одном из старых общежитий университета устроено нечто вроде кратковременного карантина.

Мебель, матрацы и прочие атрибуты общежитийских комнат вовсе не требуют своего въезда вместе с жильцами. Все это есть уже в комнатах, чистое и новое.

На дополнительное оборудование комнат Моссовет и Главпрофобр отпустили около 25 000 рублей.

Торжественное открытие нового общежития состоялось 1 апреля. Перед заседанием по дому ходили группами представители организаций, профессора и студенчество. Осматривали, делились впечатлениями.

На торжественном заседании выступил заместитель председателя Совнаркома, один из инициаторов постройки дома, т. Лежава.

— Открытие общежития II МГУ, — сказал он, — является для нас двойным праздником. Смягчая жилищную нужду среди студенчества, это здание является первым студенческим общежитием, построенным при советской власти. Но это только первый шаг. Нами взята совершенно определенная линия на дальнейшее развертывание сети общежитий, с тем чтобы студенчество было поставлено в наиболее благоприятные условия для работы над своим образованием.

Начальник Главпрофобра т. Ходоровский сообщил о решении Совнаркома в течение двух ближайших лет построить два новых студенческих дома. Сейчас еще окончательно не решено, где будут строиться эти дома, но есть предположение, что они обнесутся поблизости от двух крупнейших в Москве вузов — МВТУ и Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Помимо этого Моссовет решил в скором времени построить здание на 1 000 человек для московских техникумовцев.

Наконец, уже сейчас Совнарком поручил Наркомпросу разработать пятилетний план строительства студенческих общежитий. Таким образом дело постройки нескольких новых больших студенческих домов является вопросом ближайших лет.

Тов. Лежава осматривает ванную комнату нового дома 2 МГУ

Московское студенчество получит возможность жить и работать в человеческих условиях.

С приветствиями на торжестве выступали профессора Шестаков и Реформатский, ректор И МГУ профессор Пинкевич, проректор т. Белкин, т. Попов (Моссовет) и т. Дьяков (МБПС).

Отвечая на приветствия, представитель пяти тысяч студентов университета т. Леонтьев благодарил правительство и Моссовет за отзывчивость и горячую помощь пролетарскому студенчеству.

— Мы торжественно обещаем сделать новое общежитие рассадником культуры и школой коллективизма.

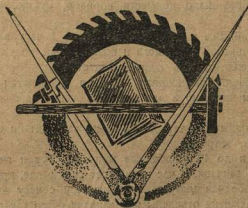
Пусть слова т. Леонтьева не останутся только словами. В новом доме есть все необходимое для того, чтобы организовать жизнь студенчества на коллективных началах. Сейчас по отдельным городам мы имеем попытки студенчества создать нечто вроде коммун, облегчающих многосложную проблему учобы, культурности и материального положения. Отдельные достижения в этой области уже имеются. Студенчество благодаря своей энергии, живя в относительно плохих общежитиях, сумело все же в некоторых местах создать крепкие коллективы-коммуны, где вся жизнь строится на началах тесного сотрудничества и товарищества.

Студенческим организациям И МГУ следует серьезно призадуматься над вопросом внутренней организации жизни студенчества в новом доме. К этой работе нужно приступить сейчас же, ибо теперь весьма благоприятна почва для этого дела.

Общежитие называют «образцовым», на него смотрят, о нем говорят. Пусть же эта образцовость будет не только в стенах, удобствах и т. д., пусть оно будет образцовым от самого большого до самого маленького и в самой жизни студентов этого дома.

Мы надеемся, что торжественное обещание студенчества советскому правительству выполнится целиком.

Новый дом должен стать показателем студенческой учобы, культурности и дружной коллективизации. Пусть ко времени постройки новых домов в этом деле будет уже опыт и осязаемые достижения.

ПО ОБЩЕЖИТИЯМ ИРКУТСКА

И. КАБАКОВ

ОДНО ИЗ ЛУЧШИХ

(Общежитие № 1)

Это—маленькая «коммуна» студентов. Несколько лет существует этот коллектив. Были сначала разговоры—«распадется». Но выдержали ребята, «не распались», а теперь по их опыту думают перестроиться многие общежития.

Живет в коллективе 22 человека, из них 11 мужчин и 11 женщин.

— Зачем это равенство?—спрашиваем.

— Нет ничего удивительного,—оправдываются ребята,—силы выравниваем. Дежурить мужчине с женщиной куда лучше, а если дежурство одних женщин,—то с тяжелой работой бывает трудно.

По факультетам в коллективе на первом месте стоит педфак—13 человек, хозправфак—5 и медфак—4 человека. Все стипендиаты. Большинство партийцы и комсомольцы. Беспартийных трое.

Коллектив имеет общий котел. Платят ребята по 13 рублей в месяц на «лоб»—и сыты. Хватает на обед, ужин и чай.

Обед готовит уборщица. Ее основную работу—уборку здания—ребята частью взяли на себя—«разгрузили». За работу помимо ставки от правления вуза как уборщице, ребята ей доплачивают, и кроме того она бесплатно столуется.

— Продукты сами покупаем. Всегда свежие,—«хвастают» ребята.—Обед всегда из двух блюд, к ужину и завтраку покупают масло, сметану, готовят бутерброды. Наш обед сытнее и разнообразнее, чем в студстоловой. Ложки, вилки, стаканы (и даже с блюдами)—общее достояние.

Встают ребята в 7½ часов. Всех будит дежурный. Сам дежурный встает в 7 часов. У него забота—надо подмести коридор, кухню, рабочие комнаты и поставить самовар.

В 8 часов пьют чай. Все в одно время. С 9 до 1 часу в коллективе тишина. Все на лекциях. Только швабра дежурного и позвякивание посуды в руках повара дает знать, что в общежитии есть живые существа.

С 1 часу до 3 обед. Как правило, на обед собираются все в одно время. Бывают и занятые в эти часы, но и для них исключение небольшое—с 1 часу до 3 должны пообедать.

После обеда час отдыха, а там до 8—время занятий: ни стукнет, ни брякнет. Все углублены в книги, тетрадки.

Ужин в 8 часов и до 10 «свободные минуты». Тут и гитара, и шахматы, и песня. С 10 часов сон и занятия. В час ночи гасят свет везде, кроме рабочих комнат.

В праздники «свободная минута» продолжается с часу дня и до часу ночи.

Две комнаты общежития отведены под занятия.—Это так называемые «рабочие комнаты». Одна—для индивидуальных занятий, другая—для коллективных. В одной из них помещается шкаф с книгами.

— Каждый живущий,—рассказывает председатель коллектива,—вносит в нашу «библиотеку» все свои книги—учебники и вообще литературу. Пользуемся коллективно. Когда уходит парень из коллектива—возвращаем, если он пожелает взять их обратно.

В другом углу собраны в ящике коллекция «редких камней». Это дело самих студентов. Из дому, с практики привозят, и вот все это хранится, для учобы. Заложено начало и гербарною.

Новое и очень ценное, чего нет в других общежитиях,—это тетрадь учета работы.

Каждый живущий в коллективе обязан вести учет времени—часов, потраченных на лекции, на практические занятия, на общественную и самообразовательную работу. Тетрадь учета общая, но каждый имеет свое место, где он аккуратно ежедневно заносит часы своей работы. За неделю подводится итог, выявляются лентяи, разгильдяи или чересчур злоупотребляющие учобой—«академисты» или «общественники»,—которым делается товарищеское внушение.

Так поднимает коллектив учобу, так рационализирует свое время. И отрадното, что учет ведут аккуратно все жильцы. Появляется соревнование в рациональном использовании времени. Отмечают в этой же тетради ребята часы, потраченные на самообразование и на зачеты.

В комнатах ребята не курят. Забавляются дымком только в коридоре. Долго боролсь с этим постановлением, но сейчас это привилось, и воздух в комнатах свежий.

За все время существования коллектива (4-й год) состав почти не изменился, если не считать одного исключенного за неподчинение правилам и двух ушедших добровольно.

Во главе коллектива стоит бюро из трех лиц. Оно ведет всю хозяйственную и культурно-просветительную работу.

Культработой коллектив похвалиться не может. Вечеров за этот период было два, один из них с чаепитием—«своей семьей».

— Все мы здесь в кучке. Посидишь в «свободную минуту», поиграешь на гитаре, и довольно,—оправдываются ребята.—В кино зато ходим «часто» (раз в неделю) и всегда коллективно, все иль наполовину.

— А в театр?—интересуемся.

— А это уж в получку стипендин!

Чистота в коллективе образцовая. Особенно у девчат. Чистые кровати, простыни, подушки. У кровати тумбочки, а на них «студенческий туалет»—зубная щетка, вазелин, порой и пудра «букет моей бабушки», осколок зеркала. На столе в стройных колонках книги. Над каждой кроватью на стене «ковры» из синей или бурой бумаги и тут же портреты «задушевного» или «задушевной», из числа иль артистов, иль простых смертных с фабрики иль из деревни.

В баню ребята ходят еженедельно, порой коллективно, иль три-четыре человека вместе.

— Одно плохо, девчата белье стирают у нас здесь, в комнатах, и когда сушат в коридоре, батюшки, нос не поворотишь!—жалуются ребята.

Девчата смеются:

— А платки, так—«постирайте»!. Эх вы!..

Самое большое место в коллективе—это недостаточное помещение.

— Расти нельзя, а надо бы...

Под общежитием помещается красильня, и часто коллектив дышит краской.

Мало ребята связаны с другими коллективами. Живут как-то обособленно.

— Так ведь мы на лекциях-то вместе,—рассуждают ребята.

Коллектив № 1—одно из лучших студенческих общежитий Иркутска. Это—фундамент росткам нового студенческого быта, где коллективная жизнь не только в «шамовке», но в учобе и в отдыхе.

А ведь это дело самих студентов.

Иркутск.

С. ФРАДКИНА

„ДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ“

(Общежитие № 5)

Лучшее здание Иркутска... От минувших дней осталась вывеска «Гранд-отель». Под этим именем и до сих пор числится оно среди обывателей. От комиссионных магазинов до ТЭЖЭ, от квартир профессуры до «гранд-кафе» (студентам скидка) все вместила в себя желто-серая громада.

А наверху, там, где раньше была первоклассная гостиница, отвели помещение под «женский монастырь»—так в шутку окрестили 5-е женское общежитие Иркутского госуниверситета. Почему женское? Что за нововведения? Раздавались голоса. Надо сразу оговориться, что, организуя это общежитие, центральная жилищная комиссия отнюдь не ставила перед собой каких-либо «новых проблем» по части разрешения половых и других вопросов. Расположение комнат, близость солидных профессорских семейств, ценность здания—вот, что было учтено при создании общежития.

На смотре общежитий, проводимом окружной газетой и окрстудбюро, «девичий монастырь» был на одном из первых мест.

Высокие, светлые комнаты. Много воздуха. Ряды коек по стенам. Чистые подушки, аккуратно заправленные постели. Горки книг на столиках. Хочется уюта, красоты—и на стенках пестрят самодельные коврики, вышивки, портреты вождей, писателей, любимых киноартистов. Большую часть дня тишина. Не слышно традиционной баладайки, в угоду себе и во зло другим, не совершается экскурсий по комнатам от нечего делать.

Приятный контраст по сравнению с другими общежитиями.

Академическая работа сосредоточена в красном уголке: здесь готовятся к семинариям, докладам, здесь же можно видеть группу голов, склонившихся над «Правдой»—готовятся к проработке резолюций XV Съезда. Есть журналы, но не много.

«Окрстудбюро скупится»,—объясняют девчата.

Зал приспособлен для физкультуры. Ожесточенная борьба со студбюро ведется по воскресеньям за лыжи.

Необходимо признать, что критерием нашего подхода к оценке общежитий должен быть вопрос, выдвинутый диспутами о пьесе «Константин Терехин»,—вопрос о взаимоотношении коллектива и индивида.

В 5-м общежитии этот вопрос разрешился не только созданием коллектива по питанию, что имеет место в ряде других общежитий, но и во всем остальном, за редким исключением, здесь преобладают принципы коллективизма. Хождение комнатами в кино, театр, на лыжах, подготовка к зачетам и семинариям.

Каждое общежитие оставляет о себе определенное впечатление. От «девичьего монастыря»—оно же 5-е общежитие, «Гранд-отель», «ТЭЖЭ» и пр.—общее впечатление таково, что остальным общежитиям остается пожелать равняться по нему.

Есть ряд мелких недостатков. Пыль на карнизах, грязная лестница, «тонкий аромат» из уборной (явление временное). Но все эти недостатки можно устранить.

Хорошее общежитие. Но из этого не следует возможность возведения частного случая в принцип. Создание обособленных женских общежитий не должно быть целью жилищных комиссий, так как это имеет свою теневую сторону в виде создающегося ненормального отрыва и обособления одной части студенчества от другой; кроме того этот отрыв устраняет то смягчающее, сдерживающее влияние, которое оказывает женская половина на мужскую.

Иркутск.

НОВЫЙ ПРИЕМ

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ПРИЕМА В ВУЗЫ РСФСР в 1928 г.

Утверждено Коллегией НКП 1/III 1928 г.

1. Для проведения приема в вузы РСФСР в 1928 г. организуются: при Главпрофобре—Центральная приемная комиссия и при вузах—приемные комиссии.

2. Во всех вузах РСФСР определенное количество мест бронируется: а) для лиц, окончивших рабфаки, б) для восточных и вообще культурно-отсталых национальностей, в) для Союзных республик.

3. Отдел рабфаков Главпрофобра и Совнацмен НКП (совместно с Отделом национальностей ВЦИК) разверстывают отведенное им количество мест между своими периферийными учреждениями и организациями, которые командируют в вузы своих кандидатов, строго придерживаясь как в отношении количества, так и выбора вуза разверстки, данной им соответствующими центральными органами и всемерно считаясь с желаниями командимуемых в отношении выбора вуза (факультета).

Примечание. Совнацмен Наркомпроса имеет право посылать не свыше 100% кандидатов сверх нормы на тот случай, если лица, посланные по основным командировкам, по испытанию окажутся неподготовленными для поступления в вуз. Дополнительные кандидаты командируются одновременно с основными и на общих с ними основаниях. С этой же целью НКП союзных республик командируют не свыше 50% кандидатов сверх нормы.

4. Все остальные места, кроме указанных в п. 2, заполняются из числа лиц, подавших заявления непосредственно в вуз, с точным соблюдением при этом порядка районирования вузов.

5. Все лица, желающие поступить в вузы, зачисляются лишь по выдержании в самих вузах установленных испытаний.

(Программы испытаний напечатаны в «Справочнике для поступающих в вузы» изд. Госиздата 1928 г. и в № 13 «Еженедельника НКП».)

Примечание 1. Окончившие рабфаки подвергаются проверке знаний непосредственно на рабфаках на тех же основаниях, что и в 1927 г.

Примечание 2. а) Все поступающие в художественные вузы подвергаются еще особым испытаниям, имеющим целью выяснить художественные способности поступающих и степень их подготовки в избранном виде искусства;

б) при испытаниях на физматах государственных университетов и физико-механическом факультете Ленинградского политехнического института им. Калинина особенное внимание обращается на испытания по математике и физике;

в) дополнительному испытанию по рисованию подвергаются лица, поступающие в Ленинградский институт гражданских инженеров, а также на архитектурные факультеты Втухена и Ленинградского высшего художественно-технического института;

г) поступающие на отделения иностранных языков педфаков и педвузов подвергаются, кроме обычных испытаний, еще испытанию по избранному ими как специальность иностранному языку;

д) поступающие в педвузы и на педфаки на отделения языка и культуры национальностей нерусского языка подвергаются общим для всех вузов испытаниям с заменой испытаний по русскому языку испытанием по языку соответствующей национальности.

Примечание 3. Лица, имеющие законченное среднее образование и практический стаж педагогической работы не менее 3 лет, при поступлении на отделения дошкольное, трудовой школы I ступени, педолого-педа-

гоические и дефектологи педвузов и педфаков подвергаются испытаниям только по обществоведению.

Примечание 4. Медицинские фельдшера, окончившие организованные Наркомпросом РСФСР курсы по подготовке медфельдшеров в вузы, принимаются в медвузы без испытаний в пределах устанавливаемых Главпрофобром для каждого вуза норм, строго придерживаясь районирования и в соответствии с специальными указаниями Главпрофобра.

6. Классовый отбор всех лиц, подающих заявления о зачислении, производится приемными комиссиями в самом вузе.

Примечание. Классовый отбор командируемых организациями, перечисленными в пп. «б» и «в» § 2, производится командирующими органами.

Принятым комиссиям предоставляется право мотивированного отвода лиц, командируемых в порядке § 2, если на основании достоверных данных, которыми располагает приемная комиссия, эти лица являются социально-непригодным элементом.

7. Заявления о желании поступить в вуз подаются в приемную комиссию вуза. В заявлении обязательно должны указываться факультет или отделение, на которое подающий заявление желает поступить. К заявлению должны прилагаться следующие документы:

- а) свидетельство о рождении, выданное соответствующими органами ЗАКСа, или метрическое свидетельство (поступающему должно быть не менее 17 лет);
- б) подлинный документ об образовании в случае окончания того или иного учебного заведения;
- в) удостоверение лечебного учреждения о том, что командируемый не страдает болезнями, препятствующими поступлению в вуз;
- г) командировочное удостоверение соответствующих организаций, если поступающий направляется в порядке п. 2;
- д) документ, удостоверяющий социальное положение самого поступающего или его родителей;
- е) две фотографических карточки;
- ж) анкету по форме, заверенную подлежащими органами или организациями;
- з) все другие документы, характеризующие лицо, подающее заявление о принятии в вуз, которые данное лицо пожелает представить (отзыв общественной или другой организации об учебной или общественной активности и т. п.).

Примечание 1. Документы к заявлению о поступлении подаются только в подлинниках; в копиях документы не принимаются.

Примечание 2. Заявление о поступлении подается либо лично, либо по почте. В последнем случае заявление вместе с документами присылается заказным пакетом с точным указанием адреса и приложением двух почтовых марок. Приемная комиссия вузов обязана в десятидневный срок со дня поступления заявления рассмотреть его и уведомить подавшего заявление о допущении или недопущении к испытаниям и времени явки на испытания.

8. Заявления подаются в вузы в период с 1 июня по 1 августа. Заявления, поступающие позднее указанных сроков, рассмотрению не подлежат.

9. Приемные испытания происходят в период с 10 по 20 августа.

10. В прием 1928 г. безусловно не допускается держание испытаний одним лицом в двух или более вузах.

11. При зачислении выдержавших испытания в вуз предпочтение отдается рабочим, крестьянам (батракам, беднякам и середнякам и их детям) и детям научных работников и специалистов, работающих в государственных учреждениях и предприятиях, согласно постановлению СНК РСФСР от 10 июля 1926 г. Этим же правом, согласно постановлению СНК СССР от 14/X 1927 г., пользуются литературные работники, литературный заработок которых является основным источником средств к существованию, художники и скульпторы и их дети. Этим же правом пользуются лица рядового и начальствующего состава РККА и дети их, а равно сотрудники ОГПУ и их дети.

Примечание 1. Постановление СНК РСФСР от 10/VII 1926 года распространяется на детей следующих категорий специалистов:

- а) членов инженерно-технических секций профсоюзов;
- б) агрономов, ветеринарных врачей, лесоводов и землеустроителей—членов соответствующих секций профсоюзов;
- в) врачей—членов врачебных секций профсоюза медсантруд.

Примечание 2. Постановлением коллегии НКП РСФСР от 8/II 1927 г. в отношении поступления в вузы приравнены к детям специалистов дети школьных работников детдомов, школ I и II ступени, семилетки, девятилетки, школ крестьянской молодежи, школ ФЗУ, профшкол, техникумов, рабфаков, избачей и сельских библиотекарей.

12. Дети научных работников—членов секций научных работников и лиц, состоящих на учете ЦЕКУБУ, в случае выдержания ими испытаний, подлежат безусловному зачислению в вуз.

Примечание. Настоящий пункт не распространяется на МВТУ, I МГУ, экономический факультет Московского института народного хозяйства имени Плеханова, ТСХА и Ленинградский политехнический институт им. Калинина. В указанные вузы подлежат безусловному зачислению, в случае выдержания испытаний, дети лишь тех научных работников, которые работают в данном вузе. В отношении приема в указанные вузы детей остальных научных работников последние приравниваются к детям специалистов (см. п. 11) настоящих правил).

13. Количество зачисленных ни в коем случае не должно превышать нормы приема, установленного Главпрофобром для данного вуза (факультета, отделения).

Примечание. Условные зачисления с отсрочкой испытаний не допускаются.

14. Немедленно по зачислении студента в вуз, и во всяком случае не позднее 15/IX, Комиссия по платности в вуз определяет как список лиц, обязанных вносить плату за обучение, так и размеры платы, причитающейся с каждого студента.

Плата за обучение за I-е полугодие этими лицами должна быть внесена до 1 октября. До внесения платы этим лицам не должны быть выдаваемы студенческие билеты. Не внесенные платы до 15 октября исключаются из списка принятых в вуз.

15. Зачисление в число учащихся должно быть закончено приемными комиссиями вузов к 1/IX.

16. Лица, зачисленные в число студентов данного вуза и без уважительных причин не приступившие к занятиям к 15 сентября, автоматически исключаются из числа студентов.

17. Зачисление граждан иностранных государств в вузы РСФСР производится исключительно Центральной приемной комиссией Главпрофобра.

18. Жалобы на действия приемных комиссий вузов г. Ленинграда и Казани приносятся в Апелляционные комиссии при уполномоченных НКП по вузам Ленинграда и Казани. Жалобы на действия приемных комиссий вузов Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и Урала подаются в Апелляционную комиссию при заведующих соответствующими краевыми отделами народного образования. Обжалования решений приемных комиссий других вузов рассматриваются Центральной приемной комиссией Главпрофобра.

Решения вышеуказанных апелляционных инстанций окончательны и дальнейшему обжалованию не подлежат.

19. Настоящие правила приема не распространяются на Вологодский молочно-хозяйственный институт и Высшие педагогические курсы при МВТУ, ТСХА, Московском институте народного хозяйства им. Плеханова, педфаке II МГУ, Ленинградском с.-х. институте и Ленинградском технологическом институте, прием в которые производится на основании особых «Правил».

От редакции. Печатая основные правила приема в вузы РСФСР, редакция сообщает к сведению всех поступающих в 1928 г. в вузы, рабфаки и техникумы, что при журнале организовано и функционирует «Бюро помощи поступающим». Бюро дает товарищам, подписавшимся на журнал с 1 марта с. г. по 1 января 1929 г., всевозможные справки и советы, связанные с поступлением в вузы, рабфаки и техникумы. Справки даются по почте всем товарищам, указавшим номер квитанции в принятии подписки на «Красное студенчество» за указанный период. Для ответа необходимо прилагать восьмикопеечную марку.

В дальнейшем редакция будет также печатать в журнале общие положения о приеме в вузы, рабфаки и техникумы.

ШАХМАТНЫЙ

ОТДЕЛ

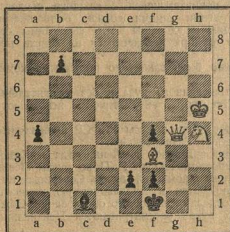

Под редакцией шахматного кружка Московской горной академии.
Редакция: Антонов, Векслер, Гуляев, Дубинкер, Красников, Левин, Победин.

ЗАДАЧА № 10

С. П. Крючков.

II приз конк. „Narodni Politika“ 1927 г.

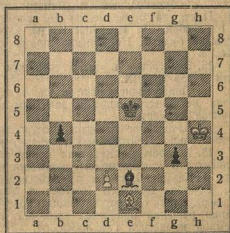

Мат в 3 хода.

ЭТЮД № 6

В. В. Якимчик (Москва).

Печатается впервые.

Белые, начиная, делают ничью.

Решения (№ 10).

Задача № 3 (Соловьева) С б, кр. на а7. 1. Ле4—b4. Побочное решение 1. Л: f5 устранивается прибавлением Ч. П. на g6. Эта задача содержит 2 темы: тема полусвязывания и тема перекрытия. Идея полусвязывания состоит в следующем: на одной линии стоят ч. кр., две какие-нибудь черные фигуры (в данном случае 2 коня) и дальнобойная белая фигура, как то ферзь, слон или ладья. При отходе одной черной фигуры (1. Кf5—d6) с линии полусвязи (5 горизонталь), другая черная фигура оказывается связанной (Kd5). При отходе другой черной фигуры (1. Kd5—f6) первая фигура также оказывается связанной (Kf5). Белые, пользуясь этим, дают мат в первом случае 2. Fb6X и во втором 2. Ff8X. Таким образом, до хода черных каждая из этих двух черных фигур была бы как бы полусвязана. Тема перекрытия состоит в том, что черная фигура встает на линию действия другой черной фигуры (1. Kd5—c3) и белые, пользуясь тем, что черные сами уменьшили район действия другой черной фигуры (отрезали Лd от поля c4), дают мат (2. Лh4—c4X). Заметим, что в данной задаче вариант 1... Kf6 и 1. ... Kg3 содержит в себе как момент перекрытия, так и момент полусвязывания. Хорошая задача молодого, талантливого автора.

Задача № 4 (Хавель) 1. Фа8—d8 Фh4 2. Ле4+ 1... Л: e5 2 Ф: f6+ 1... 8. К: c3 2. Фd2+ 1... Кр: e5 2 С: f6+ 1... ∞ 2. Л: f5+. Первый вариант представляет тему полусвязывания в трехходовке. Остальные варианты также хороши.

Ферзевый гамбит.

Игрена в московском чемпионате вузов 18 марта с. г.

Болдырев П. И. Солонец. 30. Лg1—e1 Ле8—g8

1. d2—d4 d7—d5 31. Фf2—h2?

2. Kg1—f3 Kc8—f6

3. c2—c4 e7—e6

4. Kb1—c3 Kb8—d7

5. Sc1—g5 c7—c6

6. c4×d5 . . .

Этот размен вряд ли хорош, в смысле сохранения дебютного преимущества белых.

6. e6×d5

7. e2—e3 Фd8—a5

Грюнфельд считает, к выгоде черных: 7. ... Cд6 8. Cд3 0—0 9. 0—0 Ле8, а затем Kf8 и при случае Cg4.

8. Фd1—b3 . . .

Точнее: 8. Фe2

8. . . . Cf8—d6

9. Cf1—d3 0—0

10. 0—0 Лf8—e8

11. Фb3—c2 h7—h6

12. Cg5—h4 Фa5—c7

13. Ла1—e1 Kf6—g4

Этот смелый маневр органически связан с предыдущим ходом черных.

14. h2—h3 . . .

Ход в тексте, повидимому, не хуже, чем альтернативный: 14. e4? Но все же лучше: 14. Cg3.

14. . . . Kg4—h2

15. Kf3×h2 Cd6×h2+

16. Kpg1—h1 g7—g5

17. g2—g3 g5×h4

18. Kph1×h2 Kd7—f6

19. f2—f4 . . .

Лучше выглядят 19. Kpg2; слабости на e3 все равно не избежать.

19. . . . h4×g3

20. Kph2×g3 Фe7—d7

21. Лf1—h1 Kpg8—h8

22. Kpg3—f2 (?) . . .

Потеря темпа

22. . . . Фd7—e7 (!)

23. Kpf2—f3 Cc8—d7

24. Cd3—f5 Kf6—e4!

25. Cf5×d7 Фe7×d7

26. Le1—g1 . . .

Или 26. K×e4 Фf5 и затем Л×e4 как в партии.

26. . . . Фd7—f5

27. Kc3×e4 Le8×e4

28. Фc2—g2 Фf5—h7

29. Фg2—f2 Ла8—e8

Ошибка, которой черные великолепно пользуются. Следовательно, играть Лg1 с вероятной ничьей.

31. . . . Ле4—e6!

32. Лh1—h2 . . .

Теперь на: 32. Лhg1 последует Фe4+ 33. Kpf2×Л×g1 34. Л×g1 Ф×e3+ и выигр., или 34. Kp×g1 Лg6+ с быстрым матом.

32. . . . Фh7—e4+

33. Kpf3—f2 Ле6—g6

34. Le1—e2 Kph8—h7

35. Фh4—h5 Лg6—g1!

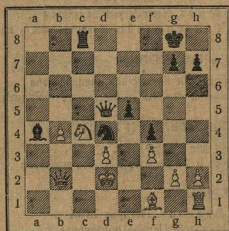
36. Фh5—f3 Лg1—f1+

Сдался.

Концовка партии.

Крылова. Красникова А. (МГА)

Игрена в турнире металлистов в марте 1927 г.

В этом положении черные выиграли следующей интересной комбинацией.

1. . . . Лc8×c4!

2. d3×c4 Kg4×f3+!

3. Kpd2—e2 Фd5—d1+

4. Kpe2—f2 Фd1—e1+!

5. Kpf2×f3 Фe1—e3+

6. Kpf3—g4 Ca4—d7+

7. Kpg4—h4 . . .

Если 7. Kpg5, то ... f3+ с быстрым матом, а если Kph5, то как в тексте.

7. . . . Фe3—b6!

8. Фb2×e5 Фb6—h6+

9. Фe5—h5 g7—g5×

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Л. Аргутинская, А. Арутюнян, И. Дьяков, Г. Козьмин (Ленинград), С. Курелнов, И. А. Попов, Е. Рабинин (Украина).

Отв. редактор И. А. ПОПОВ.

Зам. отв. редактора А. А. АРУТЮНЯН.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ЛИТЕРАТУРА И БЫТ	
В. Цвелев. Первое мая—стихи	3
Сергей Петров. Весна—стихи	4
А. Шабанов. Весеннее чаепитие—стихи	5
П. Яцынов. * * *—стихи	6
Ос. Черный. Высокое искусство—рассказ	7
НАША ОБЩЕСТВЕННОСТЬ	
Л. Милх. К проверке партячеек	29
С. Геллерштейн. Психотехника и комплектование вузов	34
УЧЕБНАЯ ЖИЗНЬ	
Недостатки подготовки специалистов	42
Скажите, кто мы?— (письмо техникумовцев в редакцию)	53
СТУДЕНЧЕСТВО И КИНО	
Своя или чужая?	56
Петер Шлемиль. С точки зрения „окошечка“	61
НА МЕСТАХ	
С. Балежин. История ЖБК	64
С. Н-ший. Первое образцовое	68
И. Кабаков. Одно из лучших	72
С. Фрадкина. „Девичий монастырь“	74
НОВЫЙ ПРИЕМ	75
ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ	78

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НА ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
1928 НА ЖУРНАЛ **1928**
ГОД ЛЕВОГО ФРОНТА ИСКУССТВА ГОД

≡ **НОВЫЙ ЛЕФ** ≡

Отв. ред. В. МАЯКОВСКИЙ

В 1927 — 28 гг. в Новом Лефе напечатаны следующие статьи теоретико-исследовательского характера:

РИТМ И СИНТАКСИС

(Материалы к изучению стихотворной речи) О. М. БРИК.

№ 3. 1927 г. О ритме. Ритмический импульс. № 4. 1927 г. О стопе. Русский силлабический стих. Кривая интенсив. Ритмическая семантика. Ритм и синтаксис. О безразличном эпитете. № 5. 1927 г. Строка как ритмико-синтаксическая единица. Ритмико-синтаксические фигуры четырехударного ямба. Сочетания из трех слов. Привычное словосочетание.

„**ВОЙНА И МИР**“ **Л. ТОЛСТОГО**

(Формально-социологическое исследование) В. ШКЛОВСКИЙ.

№ 10. 1927 г. „Война и Мир“ Л. Толстого. План исследования. № 1. 1928 г. „Война и Мир“ Л. Толстого. Количество и качество материала, которым располагал Л. Н. Толстой при написании „Войны и Мира“. № 2. 1928 г. „Война и Мир“ Л. Толстого. Глава 7-я. Богучаровский бунт. № 4. 1928 г. „Война и Мир“ Л. Толстого. Глава 3-я. Что именно вытеснял Толстой из того материала, который был у него на руках.

В течение 1927 — 28 гг. помещен ряд статей по вопросам кино, современно й литературы, критики и литературной политики и др.

С 1928 г. введен Отдел библиографии.

ПОДПИСЧИКИ „НОВОГО ЛЕФА“ могут воспользоваться всеми льготами, установленными для подписчиков на журналы Госиздата.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год — 5 р., на 6 мес. — 3 р., на 3 мес. — 1 р. 50 к., цена отдельн. номера 50 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, центр, Рождественка, 4, тел. 4-87-19. Ленинград, Ленотгиз, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05; в отделения и филиалы Госиздата, уполномоченным, снабженным соответствующими удостоверениями и во все магазины и киоски.

ПРОДАЖА ОТДЕЛЬНЫХ НОМЕРОВ

ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1927/28 учебный год
НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО БЮРО ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

В ГОД ВЫХОДИТ 18 НОМЕРОВ

Подписной год: 1 сентября — 1 июня.

В 1927/28 году журнал „КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО“ будет выходить в увеличенном объеме — 80 стр. (5 печ. лист.).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 3 р. 50 к., на 1-е полугодие (7 №№) — 1 р. 50 к., на 2-е полугодие (11 №№) — 2 р. 30 к., на 3 мес. (6 №№) — 1 р. 30 к.

Цена отдельного номера — 25 коп.

Для годовых подписчиков-студентов допускается рассрочка.

Адрес редакции: Москва, Солянка, 12, Дворец труда, 2-й этаж, комната 214.

Студенты-стипендиаты при условии подписки в студенческих организациях или у их уполномоченных получают КРЕДИТ на срок подписки.

(Из Циркуляра Наркомпроса от 15/Х 1927 г.)

Годподписчики получают 50% скидки на учебники Гиза по спискам, напечатанным в № 11 журнала „Красное студенчество“.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЙ БЕСПЛАТНЫЙ ПРОСПЕКТ.

Продажа отдельных номеров во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата: Москва, центр, Рождественка, 4, телефон 4-87-19,

в отделениях, магазинах и киосках Госиздата, в редакции журнала „Красное студенчество“, уполномоченными студорганизаций, уполномоченными Госиздата, снабженными соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.